II. 66/1

ПИОНЕР

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1933 г.

РЗФ

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

№ 23

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Специальный школьный

Декабрь 1933

АВТОРЫ НА ЛИНЕЙКЕ

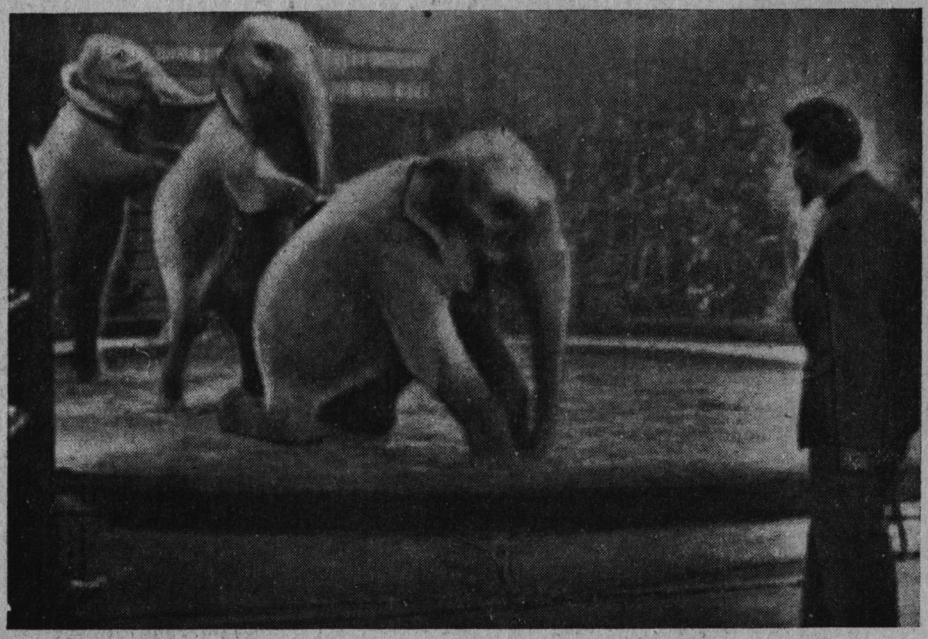
Мы попросили каждого из авторов нашего журнала дать урок по своей специальности в очередном номере «Пионера». Они согласились. И вот перед вами номер журнала, составленный ими.

Чтобы познакомить вас, читателей, с писателями, мы устраиваем линейку перед началом номера. Не все наши авторы на линейке. Нет Бориса Житкова и Лидии Гинзбург — они в Ленинграде. Остальные почти все здесь.

Это Тут-Итам со своим художником А. Каневским. У Тут-Итама — почетная роль: он вылез на обложку, он об'являет урок географии, он звонит на урок физики. Каневскому остается немного: только рисовать.

Доктор Николай Осипович Звеновой выступает после уроков с заявлением. Он просит всех читателей «Пионера» это заявление обсудить. Здесь он снят на приеме. Он дает совет какому-то, заболевшему бездельем, звену.

Григорий Емельянович Замчалов задумался, когда мы ему предложили написать урок для номера. Таким он и снят. Урок он написал, но этот урок больше похож на рассказ и называется «Фрегат».



Эта фотография изображает инженера Ивана Игнатьевича Гидролюбова в цирке на представлении дрессированных слонов. На следующий день после цирка инженер Гидролюбов дал свой урок физики, который напечатан в номере. В цирке инженер Гидролюбов наблюдал физические опыты, к которым слоны прямого отношения не имеют.

Сергей Тимофеевич Григорьев, автор книг «С мешком за смертью», «Берко Кантонист» и др., заканчивает в этом номере свой роман «Листок счастья».

Что у него в мешке, сказать трудно; говорят, новый роман. Сергей Тимофеевич утверждает, что не собирался сниматься с мешком и снял его незаметно писатель М. М. Пришвин.

Линейка закончена. Открываем номер.

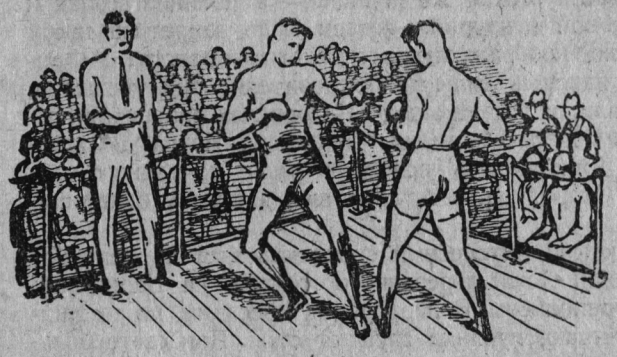
П29
34 2

ТРИ БОЯ

Стих. Сергея Иванова
Рисунки С. Родионова

С добычей славных грабежей
Вчера лишь прискакал
Отменно храбрый рыцарь Грей,
Могучий феодал.
Под мирным знаменем креста
Смиренный паладин
Отправил к предкам больше ста
Поганых сарацин.
Как хищный волк в ночной тиши,
В владениях своих
Сэр Грей безжалостно душил
Бессильных крепостных.
У короля сегодня пир,
И рыцарь на коне,
Он выезжает на турнир
В отличнейшей броне.
Кто всех отважней, кто храбрей,
Решается теперь.
Во имя бога рыцарь Грей
Сражется, как зверь,
И силу пробует свою
В отважном рыцарском бою.

Г.П.Б. Пнгр
Ц. 1964 г.
Акт. № 99
ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
3-е отд. Г.П.Б.
БИБЛИОТЕКА



Прошли века, и под крестом
Истлел его скелет,
Заржавел тот железный лом,
Что был на нем одет.
Его потомок — знатный лорд
И носит черный фрак;
Он не заводит диких ссор
И рукопашных драк.
Но память прадеда храня,
Во дни своих удач
Грей не садится на коня,
Сэр Грей идет на матч.
На корде бой. Толпа густа.
Колотятся сердца.
Он ставит десять против ста
На лучшего бойца.
И чемпионы кулака
Дерутся для него,
Пока убийственный нокаут
Не свалит одного.

Нас ждут упорные бои
У дальних рубежей.
Раскинули поля свои
Плацдармы чертежей.
Стальные кони ждут бойцов,
Чтоб двинуться в поход,
И ждут машины храбрецов
Чтоб взять их в оборот.
Мы учимся в окопах парт
Работать головой,
В лабораториях у карт —
Разведке боевой
И силу пробуем свою
В академическом бою.

Государственная Публичная Библиотека имени

Денис Иванович Фонвизин

Лидия Гинзбург
Рис. А. Фонвизина

1

Полтораста лет тому назад, 24 сентября 1782 года, в Петербурге, в Публичном театре, что на Царицыном Лугу, назначено было первое представление новой комедии «Недоросль». В те времена часто вовсе не об'являли имени автора, так было и на этот раз. Но многие знали, что «Недоросля» написал Денис Иванович Фонвизин, автор славной комедии «Бригадир».

В публике толковали и о другом: сначала «Недоросля» должны были дать на придворном театре императрицы Екатерины II, но дело это вдруг как-то заглохло. Петербургская же полиция,— а полиция ведала и театральной цензурой,—совсем было запретила пьесу за обидное изображение российского дворянства. У Фонвизина нашлись сильные покровители; они убеждали, хлопотали, и вот наконец «Недоросля» разрешили сыграть в бенефис знаменитого актера Ивана Дмитревского. Дмитревский исполнял роль почтенного дядюшки Стародума, весь сбор шел в пользу бенефицианта.

Вот какой интересный спектакль был 24 сентября 1782 года! Ложи деревянного театра на Царицыном Лугу переполнены. В партере, за креслами, по тогдашнему обычаю, публика слушает стоя. При свете больших масляных ламп начинается представление.

Сколько жизни на сцене! Публика поражена. Ведь чаще всего ей показывают сухие, скучные пьесы, написанные в подражание французским. Люди в них совсем не походят на людей, а все говорят на один лад. А здесь! Вот бранится Простакова, вот Вральман коверкает русский язык, вот Скотинин на каждом шагу вспоминает своих любимых свинок. У каждого свой характер, свой язык. В первый раз на русской сцене зазвучала живая бытовая речь.

Фонвизин чувствует все оттенки этой речи. Он сам прирожденный комический актер. Но Фонвизин—дворянин, а по тогдашним понятиям дворянину не годилось забавлять публику со сцены. Зато Денис Иванович смешно и похоже передразнивает знакомых и мастерски читает свои пьесы. К первому представлению Фонвизин сам разучивал с актерами все роли.

— Палашка где? — кричит и топает ногами толстая, красномордая госпожа Простакова.

— Захворала, матушка, лежит с утра,— отвечает митрофанушкина няня Еремеевна.

Публика хохочет. Ведь старухой няней наряжен мужчина. Известного актера Якова Шумского уговорили сыграть эту роль.

ПРОСТАКОВА. Лежит! Ах, она бестия! Лежит, как будто благородная.

ЕРЕМЕЕВНА. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит...

ПРОСТАКОВА. Бредит бестия, как будто благородная.

«Благородная» на языке того времени означает «дворянка».

Через 30 лет после первого представления «Недоросля» один молодой писатель вздумал как-то прочитать «Недоросля» двум барыням-помещицам.

— Что же вышло? — рассказывает он.— Я помирал со смеху при словах Простаковой «Бредит бестия, как будто благородная». А они... Вместо сочувствия я увидел недовольные, сердитые физиономии.

Ясно было, что Простакова им не чужда, что и в их доме имелись «бестии», которым «не дозволялось бредить».

Барыни сочли «Недоросля» личной обидой для себя. Так было через 30 лет.

В день первого представления публика забавлялась ужимками Шумского, одетого в бабью телогрейку, забавлялась, слыша, как Вральман лопочет:

— Ай! ай! ай! ай! ай! Уморить хотят репенка! Ис такой калафы толголь палфан?

Но многие ли могли понять, о каких важных, о каких серьезных вещах говорит Фонвизин в своей забавной комедии.

Что такое недоросль?

Вы скажете, что это дурак, недоучившийся оболтус. Так мы иногда говорим сейчас. Но в старину в России недорослем называли просто подростка, лет до 15-ти. По закону Петра I каждый дворянин недорослем должен был учиться, а с 15-ти лет начинать военную службу рядовым. Дворяне придумали, как обойти не-

приятный закон. Чтобы дворянину поскорей получить офицерский чин, его записывали в полк тогда, когда он был еще в пеленках. Бывало придут поздравлять помещицу с рождением сына, а она говорит с улыбкой:

— У меня вот сержант гвардии родился.

И помещичий сынок успевал по службе, покуда у него прорезывались зубки. Да и взрослые дворяне, числясь на службе, отсиживались в своих поместьях. Так завелись и сорокалетние «недоросли».

Ко времени написания «Недоросля» дворянам разрешили уже служить или не служить по своей охоте. А охота все-таки есть.

— Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? — говорит нежная мать Простакова.

Деревенские лежебоки и сидни мечтают вылежать и высидеть себе чин, а с чином и новый доход. А на службу совсем безграмотного не возьмут. Вот Митрофан и «обучается всем наукам».

Только науки не шли Митрофанам впрок. В XVIII веке среди русских дворян чуть не треть была совсем безграмотна.

Фонвизин сам рассказал о своих университетских экзаменах:

«Товарищ мой спрошен был, куда течет Волга? «В Черное море»,—отвечал он; спросили о том другого моего товарища. «В Белое»,—отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне. «Не знаю»,—сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно присудили медаль мне».

Это в Москве, в университетской гимназии. А по деревням, в семьях захолустных дворян детей учили по старым церковным книгам. Урок начинался с того, что приказывали ученику перекреститься и приложиться к раскрытой азбуке, как к иконе. Если нанимали в такой семье настоящего учителя — не дьячка, не семинариста, то норовили заплатить подешевле.

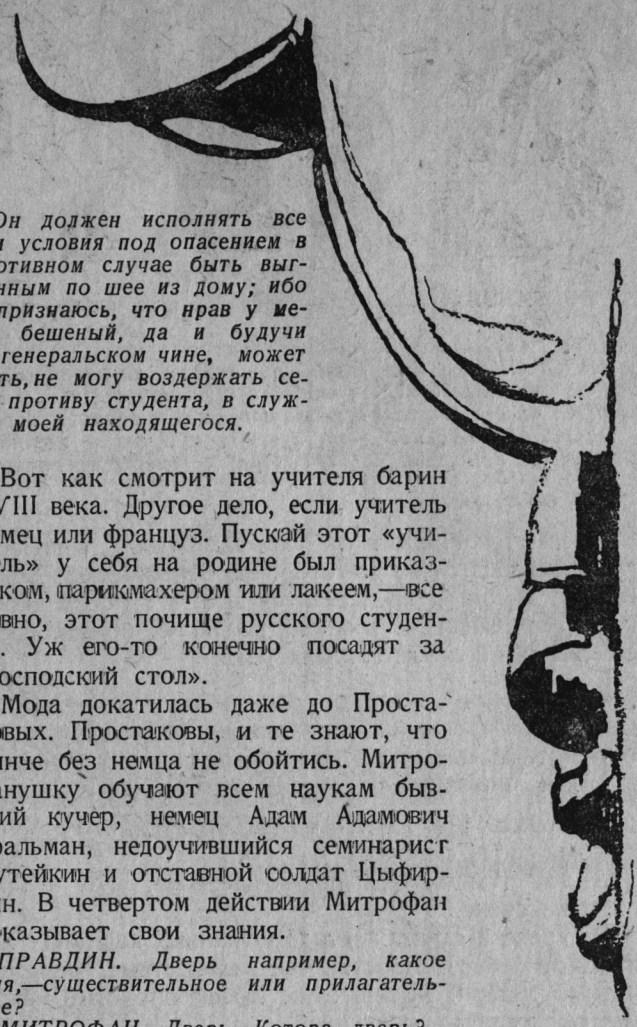
В одной своей сатире Фонвизин изобразил, как помещик Дурыкин ищет своим детям учителя. Вот условия помещика Дурыкина:

1. Жить он будет у меня в доме, обедать с моим камердинером.

2. А как я по милости божьей имею чин генеральский, то я именно требую, чтобы он в разговорах со мною и с женою давал нам чаще титул превосходительства.

3. При мне и при жене моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надевать, но из человеколюбия в зимнее время дозволяю накрыться, и то, когда мятель большая.

4. Не худо, если б он взял на себя вести мои приходные и расходные книги, а притом бы умел причесать ребятам моим волосы, также и парик мой взял под свой присмотр.



Он должен исполнять все сии условия под опасением в противном случае быть выгнанным по шее из дому; ибо я признаюсь, что нрав у меня бешеный, да и будучи в генеральском чине, может быть, не могу воздержать себя противу студента, в службе моей находящегося.

Вот как смотрит на учителя барин XVIII века. Другое дело, если учитель немец или француз. Пускай этот «учитель» у себя на родине был приказчиком, парикмахером или лакеем,—все равно, этот почище русского студента. Уж его-то конечно посадят за «господский стол».

Мода докатилась даже до Простаковых. Простаковы, и те знают, что нынче без немца не обойтись. Митрофанушку обучают всем наукам бывший кучер, немец Адам Адамович Вральман, недоучившийся семинарист Кутейкин и отставной солдат Цыфиркин. В четвертом действии Митрофан показывает свои знания.

ПРАВДИН. Дверь например, какое имя,—существительное или прилагательное?

МИТРОФАН. Дверь. Котора дверь?

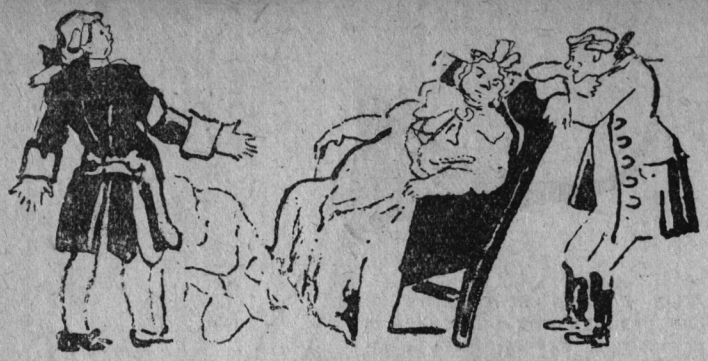
ПРАВДИН. Котора дверь! Вот эта.

МИТРОФАН. Эта? Прилагательна.

ПРАВДИН. Почему ж?

МИТРОФАН. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не повешена, так та покамест существительна.

Публика хохочет, аплодирует. Из лож на сцену летят туго набитые кошельки и со звоном падают к ногам актеров. Это значит, что публика **довольна.**



ПРОСТАКОВА. Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

ПРОСТАКОВ. Ме.. Мешковат немного.

ПРОСТАКОВА. Вот каким муженьком наградил меня господь! Не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

ПРОСТАКОВ. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

ПРОСТАКОВА. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи.

Актеры тоже довольны. Они подбирают кошельки и раскланиваются во все стороны. Бенефициант Дмитревский, высокий, представительный, в строгом синем кафтане, игравший Стародума, подбирает больше всего кошельков и ниже всех кланяется.

2

Но вот что странно: в зале публика все больше дворянская. На сцене в смешном виде представлены тоже дворяне. Как же это так получается, что дворяне сами над собой смеются?

А вот приглядимся повнимательнее, кто в зале и кто на сцене.

По сцене в сапогах и в домотканных кафтанах ходят Скотинины и Простаковы, захолустные, мелкопоместные дикари. Жизнь этих людей проходит между скотным двором и конюшней.

Кто же наполняет зрительный зал петербургского Публичного театра? Кто потешается над госпожой Простаковой?

Посмотрите: в ложах сидят нарядные барыни—юбки на них пышные, узенькая талия перетянута, как у осы, пудреные волосы высоко взбиты. В партере расхаживают мужчины: офицеры и штатские франты. Эти господа коверкают русские слова на французский лад, французские на русский. Они подражают парижской моде,— и смешной же у них вид! У одного на голове высоченный хохол, наподобие распущенного паруса или буфетной ширмы. У другого волосы обсыпаны полуфунтом пудры. На третьем воротник торчит выше головы, а галстук закрывает нижнюю губу.

Вот в креслах, у самой сцены, важные особы в лентах и звездах. Один из важных старичков беседует с человеком в щегольском французском кафтане с огромной муфтой в руках (у тогдашних щеголей муфты в большой чести). Все оглядываются на этого человека. Он уже не молод. У него бледное полное лицо, немного выпяченные губы и темные, горящие, внимательные глаза.

Это Денис Иванович Фонвизин, старинный московский дворянин, в юности гвардейский офицер, ныне любимый секретарь екатерининского вельможи Панина. Это — автор «Недоросля». Нетрудно догадаться, как такой человек должен относиться к Тарасу Скотинину.

Все тогдашнее русское дворянство жирело на даровом крепостном труде. Но между собой дворяне не всегда и не во всем были согласны: столичные, образованные, знатные, чиновные дворяне с презрением смотрели на своих диких деревенских собратьев.

Вместе с Фонвизиным важные чиновники, гвардейские офицеры, петербургские щеголи и щеголихи потешались над Скотининым и Простаковой.

Прошли годы. Совсем другие люди, люди, ненавидевшие самодержавно-дворянский строй, стали восхищаться «Недорослем». «Недоросля» знают и любят до сих пор. Его ставят у нас на сцене, прорабатывают в нашей советской школе. Политические взгляды Фонвизина забылись, осталась великая сатира на дикую, невежественную, крепостническую Россию.

3

Первый екатерининский вельможа, «светлейший» князь Потемкин, выходя из театра, сказал Фонвизину:

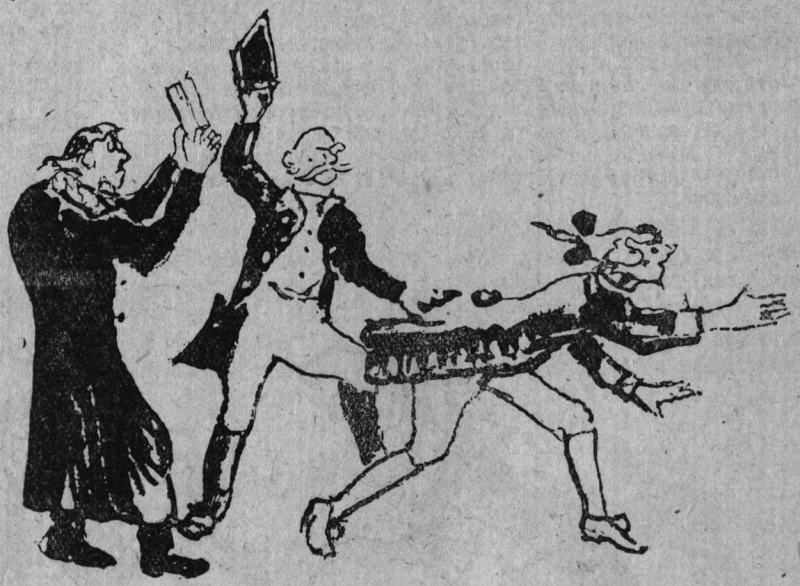
— Умри, Денис, или хоть больше ничего не пиши. Все равно лучше этого не напишешь.

«Светлейший» посмеялся в свое удовольствие. Больше он в комедии ничего не увидел. А вот Екатерина была дальновиднее своего любимца. Она чуяла врага и терпеть не могла Фонвизина.

Вот что случилось через два года, после того как написан был «Недоросль».

Екатерина II думала, что она очень хорошо пишет. Она даже помещала в журнале «Собеседник любителей российского слова» статейки под заглавием «Были и небылицы». Все знали, кто автор «Былей и небылиц», но все делали вид, что не знают. И вот Фонвизин послал в «Собеседник» «Вопросы» к автору «Былей и небылиц». Эти «Вопросы» касались политических дел и были очень смелы. Екатерина приказала напечатать «Вопросы» вместе со своими «Ответами» — очень сердитыми.

Фонвизин понял, что плохи шутки с «неизвестным сочинителем», если этот сочинитель—российская царица. В испуге он снова написал «сочинителю» письмо. Оно кончалось так:



ЦИФИРКИН. Сам праздно хлеб ешь, и другим ничего делать не даешь.

КУТЕЙКИН. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

ВРАЛЬМАН. Как фы терсаете нефешничать перед ушеной персоной? Я на-караул сакричу.

ЦИФИРКИН. А мы те и честь отдадим. Я доскою...

КУТЕЙКИН. А я часословом.

«Если каким-нибудь образом буду иметь несчастие приметить ваше неудовольствие, приму я с огорчением за твердое основание непреложного себе правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься».

Екатерина, как видно, решила, что это небольшая потеря. Она не скрыла своего неудовольствия. И великий сатирик уже почти ничего не писал.

Только еще один раз, через несколько лет, Фонвизин собрался было издавать журнал. Он назвал его по имени любимого героя «Стародум или друг честных людей». Фонвизин хотел напечатать там «Всеобщую придворную грамматику» — злую насмешку над царским двором.

Вот как она начиналась.

Вопрос. Что есть придворная грамматика?

Ответ. Придворная грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопрос. Что есть число?

Ответ. Число у двора значит счет, за сколько подлостей сколько милостей достать можно.

Вопрос. Что есть придворный падеж?

Ответ. Большая часть бояр думают, что все находятся пред ними в ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ; снискивают же их расположение и покровительство ПАДЕЖОМ ДАТЕЛЬНЫМ.

И дальше в таком же роде.

Правительство запретило Фонвизину издавать «Друга честных людей», а «Придворную грамматику» люди тайком списывали друг у друга.

В год запрещения журнала Фонвизин был уже тяжко болен. Он умер 1 декабря 1792 года. 30 ноября его видел известный тогда поэт Дмитриев. Он описал эту первую и последнюю встречу:

«Фонвизин вступил в кабинет, поддерживаемый двумя молодыми офицерами. Уж он не мог владеть одною рукою; равно и одна нога одеревянела: обе поражены были параличом; говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким; но большие глаза его быстро сверкали».

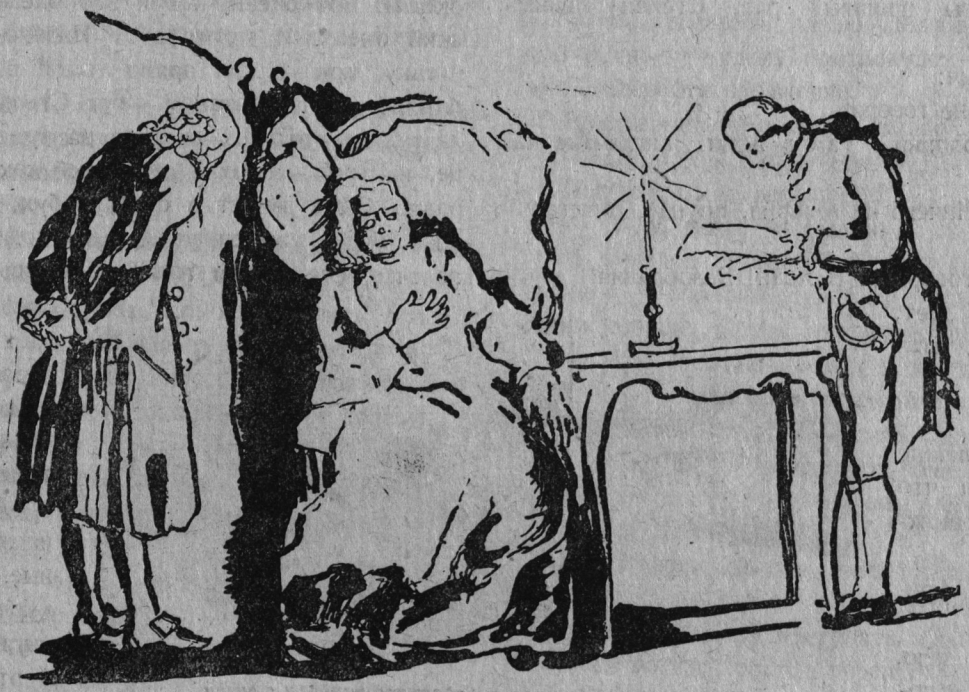
Денис Иванович Фонвизин у графа Панина

Фонвизин, великий мастер чтения вслух, не мог уже в этот вечер сам прочитать свою последнюю пьесу.

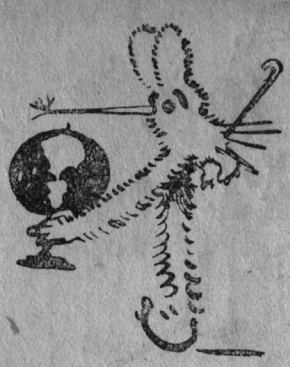
«Он подал знак одному из своих вожатых. Тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киванием головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились».

И Дмитриев кончает:

«Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе».



В этот вечер он уже не мог прочитать сам свою последнюю пьесу



УРОК ГЕОГРАФИИ С „ЗАВОДОМ“

Борис Житков
Рис. Н. Малкиной-Фонвизиной

...Потому, что будет спрашивать. Если его бузово заводить, заметит подначку и озлится. Тогда всю спросит Африку. Только завести — единственное спасенье. Пусть Кислухин «заинтересуется»: «Вот вы прошлый раз, Степан Иваныч, говорили, я не совсем понял...», и что-нибудь там про колониальные безобразия. Только надо серьезным голосом, чтобы не засыпаться. Нарочно повесили Азию, чтобы, пока за Африкой побегут, пока принесут, повесят,—оттяжка выйдет что надо. Уж минут с десяток верных.

И пока план развивали, Танька крикнула: «Идет!».

— Здравствуйте, граждане.

«Граждане»—значит, нынче злой. Вся Африка, а тут еще и злой, проклятый! Только на Кислого и надежда.

Степан Иваныч:

—Это позвольте! Почему же Азия?

Глянул на карту и за угол взял. Трясет: что же это?

Танька Кислого в бок.

Кислый:

— А это вы прошлый раз, Степан Иваныч, говорили...

Степан Иваныч:

— Ничего я не говорил.

— Насчет колоний... Там в Азии... англичане как будто...

— В Азии? Ничего не говорил. Ерунда. Ничего.

Тут все:

—Говорили, говорили! В Азии! Безобразия!

Кислый знак дает, чтобы без бузы. Стало тихо.

Кислый:

— Что англичане там... и говорили, что без карты невозможно.

— Ерунда. Африку принести!

Сорвалось дело. Танька и Борисов побежали за Африкой.

На двух таких бревнах выходят под парусом в океан

Степан Иваныч пенсне поправил и на Азию поглядывает, на самый подол. А конечно Африки не несут. За Африкой, что за смертью посылать. В классе стало, как на кладбище.

Степан Иваныч все пока разглядывает Азию, нагибается.

— Так-с. А что, вы говорите, я про английские колонии что-нибудь говорил?

Кислый:

— Что безобразия.

Степан Иваныч:

— Это ничего не выражает: «безобразия». Пожалуйста, вот мне сейчас пуговицу в трамвае оторвали,— тоже можно сказать: «Безобразие». Африки вот нет,— тоже безобразие. А вот безобразия в колониях...

И тут на карту тычет:

— Это вот что?

Все как гаркнут:

— Остров!

— Остров? А какой остров?

Тут уж сразу шопотком:

— Не проходили, Степан Иваныч.

—Надо знать. Цейлон. Вот тут вот город и порт английский Коломбо. Большой город портовый. Превосходный порт. Огорожен каменной стеной прямо от океана. Вот океан, какой это океан? Верно: Индийский океан. И мутит этот Индийский океан в эту стенку, три месяца прямо такой волной садит, что брызги летят фонтаном,—тут Степан Иваныч голову задрал на потолок,—метров на тридцать. И на солнце, на тропическом этот блеск—как вскрикивает все равно. Зыбь двинет в стенку—бух, а вода взмоет в небо, будто ужаленная. А зыбь ходит, как гора, как зеленая, стеклянная гора. Ее солнце сверху отвесно пронизывает, и она идет на тебя, если на пароходе например,— и вся эта прозелень насквозь светится зеленым воздухом.

Люди там живут, на этом острове, черные. Сингалезы. Они курчавые, на наших цыган похожи. И они в эту зыбь лезут на двух бревнах—прямотаки на двух бревнах, сбитых двумя перемычками,—ну, как сани морские. Так вот на двух таких бревнах выходят под парусом в океан за рыбой. Они конечно не верхом на этих бревнах сидят... Чего ты там, Кислухин, глупости показываешь, пальцы на ручку верхом

сажаешь? Нет, на одном бревне, что побольше, борта нашиты, две доски, а другое—только противовес. И под парусом такая история устилает в хороший ветер километров по 30 в час. А там ветер летом дует из-под Африки... А где же Африка? Пошел кто-нибудь за Африкой?

— Пошли, пошли, сейчас будет.

— А зимой дует с берега, из Азии Муссон этот ветер называется. Юго-западный и северо-восточный муссон. Ровный дует, как доска. До того сильный, что можно вперед наклониться и стоять, как с поддержкой. Вот он и разводит эту сумасшедшую зыбь. А сингалезы не боятся. Дуют в океан и там из глубины вот этаких рыбищ вытаскивают—во! Метровой длины.

Полисмен вытянул из подмышки палочку

А на острове растут пальмы. Леса пальмовые, вот как у нас сосновые. Только ствол пальмовый потоньше. И конечно не шишки растут там, а кокосовые орехи. Кокосовые пальмы, я говорю, растут. И сингалезы...

Тут мы видим, несут Танька с Борисовым эту Африку проклятую. Мы знак даем: «Назад! Завелся Степан Иванович. Прорыв завода выйдет!» Они ее — под стенку в коридоре, а сами по одному: шмыг один, пока Степан Иванович спиной к двери, потом шмыг другой, а Степан Ивнович ходит по классу мимо Азии и уж теперь только сидеть смирно, всего и дела.

— И лазят сингалезы, как обезьяны, на этот гладкий пальмовый ствол. Обхватит руками, пальцами, ладошкой, сам сложится пополам и ногами, ступнями упрется в ствол.

Степан Иванович хотел на пол сесть, чтобы показать. Кислый догадался—вскочил, выбежал к доске, сел на пол, ухватился за ножку.

— Так, Степан Иванович?

— Руки, руки больше вытяни. Руки совсем прямо. Вот. Вот так и лезет сингалез. Сорвал кокос, бросает, товарищ внизу ловит. Ведь кокос весь, как в чехле. На нем еще до скорлупы пальца на три обмотки. То-есть, что я? Ну, будто бы волосом он упакован кругом, а сверху тонкая кожурка. И если ее содрать, то вот тогда доберешься до скорлупы. У конца ореха три глаза, то-есть дырочки, они мягким закупорены, и сингалез пальцем ткнул в одну, в другую—и готовы дырки,—сует: пей.

— Вам давал?—это Танька запищала.

— Давал. Именно мне. И почему? А? Не знаете? Пить хотелось. Хе. Жара, всякому пить хочется. Там сок внутри. Ух, какой освежающий, это не березу сосать. Это он мне потому дал, что обрадовался, что я не англичанин. Он не здорово понял, что я русский. Может и не знал, что такие есть. А понял только, что не англичанин, и сразу задружился. «Не англичанин? Пей, пей, пожалуйста». Я весь орех выпил. А если англичанин, он бы к нему волком. Да и понятно. Я бы на их месте бил бы их в лесу, прямо этими кокосами с пальмы, с самой маковки.

Да вот извольте: выезжаю я на шлюпке на берег. Надо лодочнику заплатить. Мелочи нет. Я говорю лодочнику: «Пойди вот к полисмену, разменяй». А полисмен ходит—здоровый дядя, плотный, прямо тучный мужчинища. Тросточка бамбуковая подмышкой. Лодочник худощавый. Подходит, на ладошке мою деньгу протягивает. Полисмен из-за спины оглянулся, вытянул из подмышки палочку,—трах со всей силы по ногам лодочника моего. Он запрыгал. Подбегает ко мне. Значит, поговорил с полисменом. Я к полисмену: «Что это за безобразие, за что человека бьете, что, с вами говорить нельзя?»

— Вам говорить можно. Пожалуйста.—И даже рукой к своему шлему притронулся.—Вам что? Разменять? Сделайте одолжение.

Взял монету и пошел к ларьку.

— По скольку вам нужно? По десяти?

Повернулся к ларечнику:

— А ну, давай по десяти!

И ларечник высыпает мелочь на прилавок—каких угодно-с. А полисмен, не спеша, выбирает для меня монетки почище. Потом мне вполголоса сказал:

— Нас, господин, белых мало, а их по сто тысяч на одного англичанина приходится. Надо строго. Надо, чтобы они от одного имени английского тряслись.

— А когда я в этот город вошел...

Тут не могла одна девочка утерпеть и пискнула:

— Красивый?

И тут вдруг озлился Степан Иванович:

— Красивый? А вот это красиво? Красиво?

И стал на Мару наступать. Она даже встала, вытянулась во весь рост с перепугу. Мы подумали, пропал завод и попадем в Африку.

— Красиво?— кричит Степан Иванович.— Вот в маленьком фаэтончике, кабриолетике на двух колесах, то-есть в оглоблях,—там человек. Сингалез. На нем только трусики одни. А в колясочке—англичанин, туша этакая и морда, как бифштекс. Развалился, как под ним эта колясочка не лопнет! Ножищи выпятил, на

них, как копыта, ботинки с подошвой—во!—в два пальца. И каблучища с кузнечный молот. И он этим каблучищем в худую эту черную спину тычет, подгоняет. А тот бежит, чуть язык за плечи не закинул, весь мокрый. Жарища ведь, баня. Это вот у них извозчики—рикши. Они ко мне приставали, чтоб повезти. Да не могу я на людях ездить. Чорт меня побери совсем! Они все от чахотки помирают.

И вдруг как приступит к Кислому, вплотную к парте:

— Ты можешь на людях ездить? А?

Потом на Таньку:

— Можешь?

Потом к Кистяновскому:

— А ты будешь на людях ездить?

Тот уж шепчет:

— Да когда же? Где же это?

— А, значит, доведется, так поедешь? Поедешь?

И вдруг ко всем:

— Встаньте, черти!

Хоть мы и не черти, а видим все, дело всерьез, — встали.

— Дайте, — говорит, — мне слово, что никогда в жизни на человеке не поедете. Подымите руки. Говорите, чорт вас возьми! По слогам: ни-ког-да. То-то.

И, видим, задышал, как на гору поднялся.

— Садитесь. А вот тут вот,— и стал пальцем долбить карту внизу,— тут еще есть колония у них, у англичан: Сингапур. Это—для флота база. Вот тут малайцы живут. Желтые они. Как крашеные. Прямо удивляешься, до чего желтые. Будто желтуха у каждого. Только здесь тоже на людях ездят. Кругом рай земной. Бананы, пальмы, море. Такие цветы, как будто сплошные это оранжереи. Дай, думаю, поеду, погляжу на всю эту роскошь. Ведь вот цветы какие,— и показал горсть.

И опять дернуло Второву пискнуть:

— Кра...

Ткнул ее тут Колька Ануфриев в бок. Осеклась. Вышло по-вороньи: кра...

— Красиво? — даже покраснел наш Степан Иванович. Снял пенсне и стал грозить, трясти пенсне, будто мы чего набузили.— Красота вот она какая там. Сажусь в трамвай. За город? — спрашиваю.

— Да, говорят, последняя остановка отсюда за две мили. Трамваи открытые, лавки поперек, ступеньки с обеих сторон во всю длину. Вижу, трое малайцев сидят на лавочке, как раз мне, четвертому, место есть. Сел. Хвать, малайцы снимаются, будто духу моего не выносят, и на задние площадки перебираются. Ну, думаю, надо им об'яснить, что я не англичанин, авось не будут так ненавидеть. Оборачиваюсь, говорю громко: «Ай эм рошиан, но инглиш. Тэйк юр плес плиз». Это значит: я русский. Садитесь, пожалуйста. Улыбаются, стоят. А я один на лавке сижу. Не верят, думаю. Тут по ступеньке добирается до меня кондуктор: билет получите. Да, говорю, а почему люди ушли? Вон уж на площадке давка, говорю. Жара такая, пусть сядут, а то я уйду, людей спугнул. Кондуктор об'ясняет: правило уж такое. Желтый с белым не смеет на одной лавке сидеть.

— А мне, говорю, очень будет приятно. Очень прошу вас.

Кондуктор улыбается, плечами пожимает.

— Не имею права допустить нарушения, меня со службы погонят, если кто увидит.

— Мне придется, говорю, пешком итти, не хочу людей пугать, не желаю, чтобы из-за меня давка была.

— А вот,— говорит кондуктор,— передняя лавка свободна вовсе.

— Так чего ж, говорю, они не сядут, а на площадке жмутся?

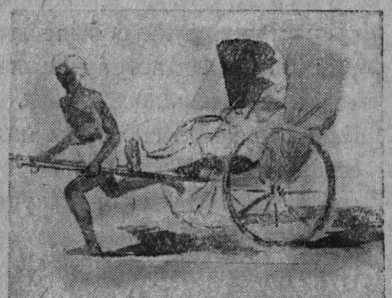
— Для белых эта лавка. Желтые не имеют права там сидеть. Передняя — это чтоб продувало и от желтых духу бы не несло на господ. Нехорошо, если желтые впереди.

А сам — как лимон. Тоже малаец.

Вот, думаю, тут уж довели до самой точки: не только имени, духу боятся. Пришлось мне перебраться на переднюю лавку. Сижу, как идиот. Т. е., как англичанин. И не могу я так. Хоть сходи. И вдруг выдумал: спинка-то у скамейки переворачивается: когда трамвай назад идет, все спинки переворачиваются, и все сиденья тогда глядят в другую сторону. Я перевернул спинку и сел задом, по движению. И колени в колени с малайцами, что сидели на второй лавке. Я давай с ними болтать. Весь трамвай загудел. Но вижу, улыбаются. Кондуктор не посмел ничего сказать. Видно, в правилах не было предусмотрено такого случая, как бы сказать, ну такого...

— Бузового,— говорит Ануфриев.

— Да, бузового,— крикнул Степан Иванович.— Пожалуй, бузового. Там бы надо как следует побузить. Побузить, чорт возьми. Да-с, так вот еду. Говорю: я русский, и вообще, чорт с ними, с правилами и с англичанами. У нас, говорю, этого нет, дорогие друзья. У нас в трамвае все навалом, и будь ты малаец или эфиоп или, говорю, китаец,—все равно. У нас, говорю, даже англичан пускают. Они как фыркнут! Однако осторожно. Крепко у них там в головах насчет англичан завинчено.



А в колясочке англичанин, туша этакая...

А тут вскоре сел англичанин. Позвал кондуктора, и пришлось спинку переворачивать. Англичанин даже не глянул на меня, сел в один край, я в другой.

А вот тут,— Степан Иванович стал ногтем барабанить по карте,— тут вот еще одно английское гнездо. Тоже база. Гонконг. Тут уж китайцы. Они там все в отдельном квартале. Улочка узенькая, шагов десять

ширины, и, как флаги, на веревках повешены вывески. Из материи. Живут до того скученно, что одни только двери, кажется, и есть. Стен будто нет совсем.

И валит по этой улочке полным ходом трамвай, и китайские мальчишки, как воробьи, прыскают из-под трамвая. Я прямо глаза жмурил—вот-вот задавит. Однако — никого. А улица полна народу. И за трамваем народ сейчас же смыкается, как вода. Чего это, спрашиваю соседа, тесно так живут? Сосед был голландец, он ответил: «Места им отведено мало, а их много. Вы посмотрите их на воде».

Я пошел к воде. Правду сказать, не видать было воды. Под берегом все битком забито было китайскими шлюпками. Как мостовая. Я спросил: «Нельзя ли покататься?» «Ах, пожалуйста». И сейчас же меня один китаец повел через чужие шлюпки дальше и дальше по этой шлюпочной площади. Шлюпки все палубные, очень аккуратно сделаны, чистенькие. «Вот,— говорит,—это моя» и стал подымать парус. Я взялся за руль. Вышли мы из кучи шлюпок, все китайцы помогали, проталкивали. И надо всеми шлюпками стоит запах китайской пищи: кунжутного масла и чесноку. И у нас из люка шел тот же дух. Тут ветерок покрепче нажал, я ногой уперся в брезент: впереди брезент пакетом лежал. Вдруг пакет зашевелился, как живой. Я даже струхнул сначала. Смотрю, из пакета голова, круглая, как на шахматной пешке. Китайченок. Жмурится на солнце. «Это,—говорит хозяин,—мой сын». Я достал две картинки от папирос, даю ему. Он взял и чего-то по-китайски крикнул. И вдруг из люка—китайская девчонка. Мальчик побежал по палубе — года ему три. Я кричу: «Упадет». Китаец мой только смеется. Мальчишка стал с девчонкой картинки делить. Я нашарил еще одну в кармане, кричу: «На еще». Он увидал. Смотрю, вылезает еще девчонка. Я говорю хозяину: «Сколько же у тебя их?» «Четвертый,—говорит,—грудной. Очень маленький». «Можно взглянуть?» Полез я по палубе, заглянул в люк. Там, на дне, на циновке сидела китаянка. На руках ребенок, а перед носом жаровня, на ней она рыбу жарила. А если там на ноги встать, то ровно ей по пояс придется палуба. Жить там можно только ползком.

— А дом у вас на берегу есть?

Китаец руками замахал.

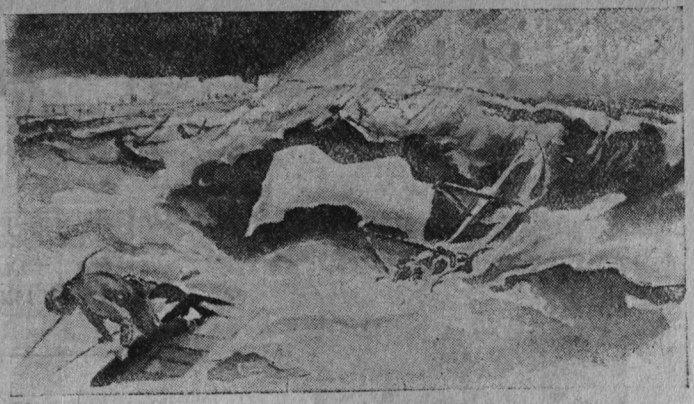
— Нас на берег не очень и пускают.

Я говорю: «Много вас на воде?» Китаец никак не мог сказать, такого числа он по-английски не знал, как и сказать, об'яснил кое-как: выходило, несколько тысяч.

— А если буря? Китаец серьезным стал.

— Было,—говорит, — раз такое. Мы все говорим полисмену: «Надо лодки вытягивать, будет страшная буря — тайфун, нас всех в черепки переколотит. А англичане: «Нет. Не врите. Сидите, где посажены. И вот отсюда досюда ваше место».

А мы бурю эту за несколько дней чувствуем и чуем, как смерть. И были все в тоске. И мы хотели пойти к начальнику. Нет, не пустили.



И налетела эта буря—тайфун

— И вот вы, ребята, представьте, что все китайцы со всеми этими ребятишками сидели на воде и ждали смерти. И налетела эта буря—тайфун. Он обращает море в кипящий котел, он ветром срывает деревни на берегу, крыши пухом летят. Несет, как бумажки, целые ворота, скотину подымает в воздух. И тут же над головой, как из дыры в небе, льет дождь, что пригибает человека к земле. И вот такой тайфун налетел на эту плавучую деревню. Китаец не мог мне опять назвать числа, сколько пропало китайчат и больших китайцев. Все шлюпки разбило вдребезги, в щепки, растрепало по небу и по морю последние остатки. А кто выбрался на берег — ого! Тех сейчас же загнали полисмены в загон и заперли: на земле вам места нет, нечего вам тут вой подымать. И как оставшиеся китайцы потом оправились, не мог я понять. Китаец мой только все говорил: «Хорошо, ух, как хорошо, что детей этих тогда не было». Так радовался, как будто про счастье рассказывал, а не про бедствие.

— Чего ты радуешься? — говорю.

— А что они есть,— и сына за ухо подергал.

Я ему дал монету, говорю: «Сдачи не надо. Все тебе». Он испугался.

«Напиши,—говорит, — мне расписку по-английски, что это ты сам мне дал, а я не украл. Я боюсь, что нехорошо может быть. Полисмен...»

А я говорю ему: «К чорту с твоим полисменом». А он мне деньги назад сует, не надо, мол, никаких тогда и денег. Пришлось писать. Я написал:

«Проклятые полисмены английские! Я дал этому китайцу доллар, не отнимайте у человека, что он заработал». И подписался и адрес свой написал.

А китаец не столько доллару радовался, сколько боялся, как бы несчастья не было от такого богатства.

— Это что, а вот в Капштадте, в Южной Африке. На алмазных копях у англичан... Африка-то где же?

Танька встала, смотрит на всех. Что, дескать, нести Африку или нет? Мы все: «Неси, неси».

И тут—дрили-ли-линь. Звонок. Ах ты, дьявол! Честное слово, следующий раз Африку принесем.

А Степан Иванович, когда шел по коридору, увидал: лежит под стенкой свернутая карта, как-раз у нашего класса.

Прямо стыд.

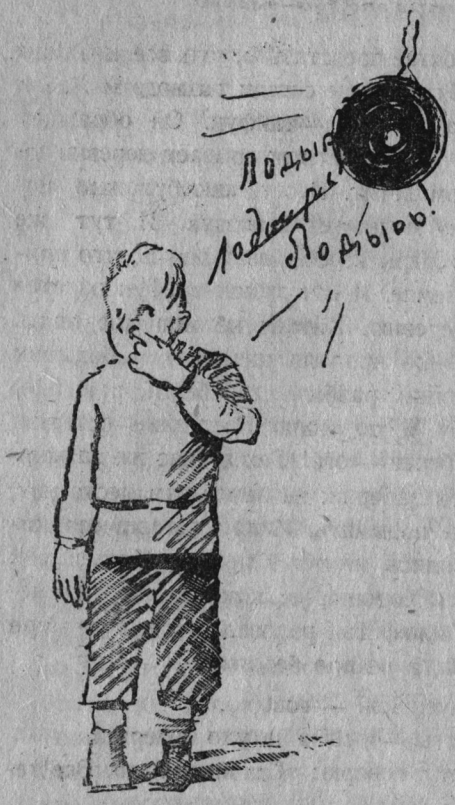
Уж в следующий раз — держись!

КАК РУПОР ЛОДЫРЯ ГОНЯЛ

Рисунки А. Каневского

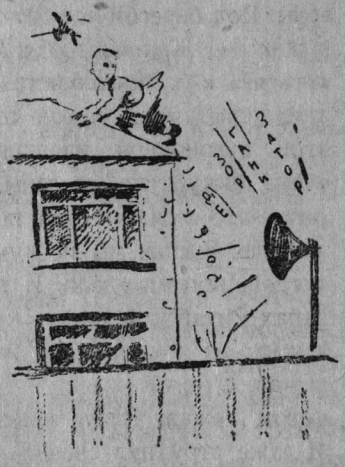
Седьмая школа ФЗД гор. Житомира радиофицирована. На больших переменах школьное радио протаскивает прогульщиков.

Деткор К. Кизуб, Житомир



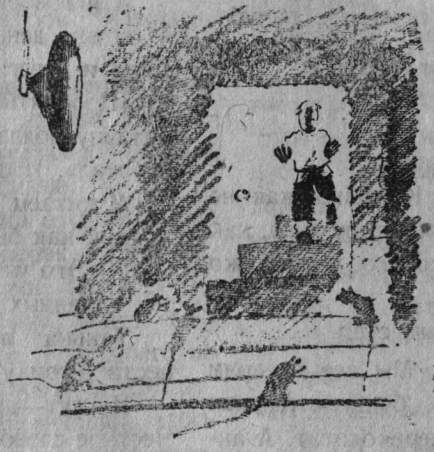
На большой на перемене кто-то громко крикнул Сене: «Сенька-лодырь, Сенька-лодырь, Сенька-лодырь, Иванов!» На большой на переменке радио кричит со стенки снова: «Лодырь Сенька, лодырь Сенька, лодырь Иванов!»

Рупор лодыря гоняет. Сенька сразу убегает. Рупор Сеньку догоняет и кричит ему опять: «Сенька-лодырь, ты — прогульщик!» Снова: «Лодырь и прогульщик. От меня ты убегаешь, а тебе не убежать».



Убегает он повыше, залезает он на крышу. Рупор с улицы кричит, на весь город говорит: «Сенька-лодырь, Сенька-лодырь, самый главный прогулятор, страшный дезорганизатор, полезай ты хоть до неба, я сумею докричать. Все равно я буду, буду, буду лодыря гонять».

Видит Сенька, все пропало: тряпка в глотке — ерунда. Вся история сначала и, как видно, навсегда. «Я сдаюсь, товарищ рупор, я сдаюсь, товарищ рупор. Руки вверх я поднимаю и навеки обещаю, что я лодырем не буду, что прогульщиком не буду. Только больше не ори, ничего не говори».



Убежал наш Иванов отдохнуть от рупоров. От уроков убежал под швейцарскую, в подвал.— Кончил рупор говорить, можно тут и покурить. Вдруг со стенки, вдруг со стенки, как тогда на переменке,—вся история сначала, хоть беги ты из подвала.

Сенька к радио подбежал и такое закричал: «Ты — прогульщиков губитель, громкий, громкий говоритель, тряпку в глотку получи и навеки замолчи».

Заявление доктора Звенового

Всем читателям журнала „Пионер"

Считаю своим долгом довести до сведения всех читателей «Пионера» возмутительный факт, свидетелем которого мне пришлось недавно быть.

В конце октября, в самый последний день осени, я был вызван для подачи скорой помощи одному из отрядов Ленинского района Москвы.

Это было в самый последний день осени. Отчаянный ветер срывал в скверах запоздавшие опасть листья, сворачивал за углы кварталов и мчался дальше. Я покрепче закутался в пальто. Вдруг сильный порыв ветра закружил меня и вместе с этим прямо из-за угла вынес трех пионеров базы завода «Динамо». Они возвращались из школы, и в руках у них были связки книг и тетрадей. Пальто у них были нараспашку, и ветер играл концами галстуков.

— Вот боевые ребята! — подумал я.

Навстречу боевой тройке шел невысокий парень скромного вида с бидоном в руке.

— Трах!

Первый пионер из тройки, размахнувшись, ударяет встречного парня по шее. От удара парень падает на колени, а его шапку ветер катит по грязи. У парня на глазах слезы. А боевой пионер продолжал свой путь, даже не обернувшись, очевидно чувствуя себя героем.

За ним двигались оба его товарища. Я нарочно подошел к ним поближе. Они немного смутились и быстро запахнули пальто, чтобы скрыть галстуки.

Им было стыдно. Почему?

Я долго думал над этим случаем. Такие картинки не только я, но каждый из нас видит часто. Может быть некоторые из вас были даже участниками таких случаев.

И я решил просить редакцию «Пионера» поставить этот случай на обсуждение, чтобы вы сами решили, кто больше всех виноват и как должен был действовать каждый из участников этой сцены.

Ну и ударил, подумаешь.

Неся это письмо в редакцию „Пионера", я опросил трех знакомых пионеров, попавшихся мне по дороге

Виноват парень с бидоном

— Виноват, по-моему, больше всего парень с бидоном. Больно он нюня какой-то. Дал бы обидчику сдачи, угостил бы его таким же лекарством, все было бы в порядке. В следующий раз тот бы уже не лез, подумал бы, прежде чем по шее стукать. Конечно, если будешь шею подставлять, каждый будет по ней бить... Ну, а если мускулы слабы, надо физкультурой заниматься, наращивать мускулы.

Уговаривать, по-моему, не стоит. Будешь уговаривать, а он и тебе по шее даст. Ну и получается смешная картина. На удар надо отвечать ударом — вот и все. Вот почему и виноват парень с бидоном. Своим поведением он просто помогает хулиганам.

ВИКТОР ГАВРИЛОВ

Неужто драться с ним?

Виноват хулиган

Перед самым входом в редакцию я встретил самую маленькую пионерку одного отряда. Фамилии ее я не знаю, а зовут ее Сашок. Когда я ей прочел мое заявление, она сказала:

— Ну конечно виноват хулиган. Не ударил бы он парня, ничего бы не было. Надо было сейчас же милиционера позвать или в отряд заявить. Понял бы он, что за это попадет, сразу бы перестал хулиганить.

А нам какое дело?

Виноваты два пионера

— Я считаю,—сказала Маня (в звене ее называют «Солнышко»),—что виноваты те два пионера, которые галстуки скрыли. Так разве пионеры поступают? При них парня избивают, а они спокойно смотрят! Трусы они, вот что! Надо было им хулигана сейчас же остановить и пристыдить. А лучше всего в отряд или звено о нем сообщить. А они галстуки прячут! Если бы все хулиганов останавливали да как следует пробирали их, не было бы хулиганства. А так, когда мы спокойно смотрим на их «геройства», они и продолжают хулиганить. Вот почему самые главные виновники, по-моему, те два пионера.

ТАК КТО ЖЕ ПРАВ,
КТО ВИНОВАТ?

Дворец техники

В декабре 1933 г. срок подачи архитектурных проектов на конкурс Дворца техники. За лучший проект выдается премия в 15 тыс. руб. С 26 по 31 декабря устраивается открытая выставка проектов.

Зачем нужен Дворец техники?

Дворец техники прежде всего покажет достижения современной техники во всех областях жизни: промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, у нас и в капиталистических странах. И это будет не обыкновенный музей, где будут собраны новейшие машины, станки, механизмы, которые обычно показываются в неподвижном виде или на фотографиях. Все это будет жить и двигаться, и посетители увидят самые сложные установки в движении, увидят производственные процессы, смогут произвести разборку и сборку любой машины под руководством опытных мастеров. Они увидят кроме того всякую машину в ее историческом развитии. Например историю стратостата или историю телефона, историю освещения—от лучины до электрической лампы, историю паровоза и т. д. Они узнают не только о том, как вообще изобретались эти механизмы и машины, но и зачем они нужны и как связаны с общей жизнью страны. Во Дворце техники будут библиотеки и читальни, где можно будет получить книгу и журнал по любому техническому вопросу.

У ребят здесь будут свои специальные залы и мастерские, свои читальни и лаборатории. Предполагается, что посетителей во Дворце техники будет около 60 тыс. чел. в день, т. е. одновременно во Дворце техники будет находиться от 15 до 20 тыс. чел.

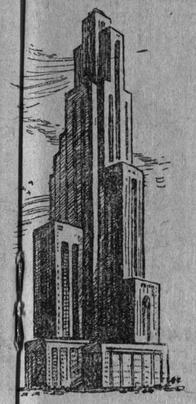
Под постройку зданий Дворца техники отводится участок земли площадью около 117 гектаров на левом берегу Москва-реки, против Центрального парка культуры и отдыха им. Максима Горького.

Памирская экспедиция

В Сталинабаде в октябре состоялось заседание совета Памирской экспедиции. Здесь подводились итоги экспедиций на Памир, организованных за последние пять лет. Экспедиции эти ставили перед собой две задачи: 1) исследование и нанесение на карту до сих пор никем не посещавшихся мест (географическое изучение местности) и 2) геологические исследования и наиболее точное определение местонахождения полезных ископаемых на Памире.

В результате работ экспедиций мы имеем теперь карту Памира с его ущельями, ледниками, доменами. В 1931 г. на карту нанесена самая высокая вершина Союза 7.660 метров над уровнем моря — «пик Сталина». Геологические экспедиции открыли на Памире сотни тысяч тонн мышьяка, разбросанных в ряде отдельных месторождений, громадные запасы соли, и к золоту Памира и другим его богатствам уже проложен путь.

Понятно, что эти экспедиции имеют не только научное значение. Результаты работы экспедиций должны быть использованы для задач социалистической стройки Таджикской республики.



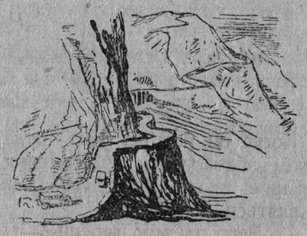
Самое высокое здание в мире

находится в Нью-Йорке.

Высота его 395 метров. Оно имеет 86 этажей, и над верхним этажом — башня для осмотра окрестностей. На это здание потрачено 58 тыс. тонн металла. Нижние стальные опоры весят каждая по 50 тонн и являются самыми тяжелыми опорами, когда-либо имевшимися на постройках. Вся железная громадина была выстроена в течение пяти месяцев.

АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА НА ПАМИР

Заканчивается постройка высочайшей в мире автомобильной дороги на Памир. Уже окончены работы на труднейших перевалах Ак-Байтал — 4.700 м. над уровнем моря и Кзыл-Арт — 4.200 м. Работать приходится в



крайне тяжелых условиях: низкая температура, разреженность воздуха, мерзлота грунта и оползни. Это будет высочайшая в мире автомобильная дорога.

О постройке автомобильных дорог на суше и на воде смотри в одном из следующих номеров «Пионера».

Рыбный дождь

Рыбный дождь — явление очень редкое. За полторы тысячи лет известно всего 73 таких дождя. Последний раз рыбный дождь «шел» в САСШ. Ливень разразился над хлопковым полем и оставил после себя несколько сотен мелких рыбешек, причем некоторые из них были подобраны живыми. Бывают случаи лягушиных, головастиковых дождей, дождей из земляных червей. Иногда идут смешанные дожди. Самый сильный изо всех таких дождей «шел» в 1901 г. в Венгрии. Земля после такого дождя оказалась на 3 см. покрытой разными насекомыми. Об'ясняются эти дожди из насекомых очень просто. Часто после бури пруды оказываются совершенно опустошенными или дно у гаваней обнажается. Все, что находилось в этой выплеснутой воде, поднимается силой ветра вместе с капельками воды в воздух. То же самое происходит и во время смерчей, когда между поверхностью океана и тучей образуется крутящийся водяной столб, уносящий в высоту вместе с водой и находящихся в ней рыб.

АМЕРИКАНСКАЯ ВЫСТАВКА

Летом 1933 г. в Чикаго открылась выставка «Столетие прогресса», посвященная юбилею Чикаго (1883 — 1933). Это — величайшая изо всех когда-либо бывших выставок мира. Она расположена на берегу озера Мичиган, на узкой искусственно осушенной полосе земли длиной в 5 км. и на искусственном, специально для выставки созданном острове. В центре выставки стоит «павильон науки». Очень интересно устроен отдел физики.

В центре зала подвешена алюминиевая гондола стратостата Пикара (правда, здесь вместо гондолы Пикара уже должна была бы быть подвешена гондола Прокофьева, Бирнбаума, Годунова, поставивших мировой рекорд высоты полета). В герметически закупоренной стеклянной камере, где воздух то разрежается, то снова доводится до атмосферного давления, воспроизводится в миниатюре полет Пикара и показываются явления, происходившие с шаром во время полета и спуска.

В астрономическом отделе выставки — планетарий, единственный планетарий на всю Америку. Очень хорошо оборудован отдел геологических наук. Здесь например на больших геологических часах в 4 минуты проходит история земли за 2.000.000.000 лет, вплоть до появления человека.

В отделе медицинских наук красивый человек ростом больше трех метров (т. е. как средней высоты комната) и весом около 150 кг.

— Леди и джентльмены, смотрите, я глотаю,—говорит этот человек и расстегивает свой пиджак.

Тотчас же тело его начинает просвечиваться, показывая пищеварительный аппарат. Внутри его находятся различные звуковые, оптические и механические приспособления, электромоторы и все, что нужно для «оживления». — Сейчас, — продолжает этот юноша-автомат, оглядывая публику, — вы увидите, как пища входит в желудок. Обратите внимание на то, как сокращаются мускулы стенок желудка для того, чтобы лучше шел процесс переваривания пищи.

Эта лекция продолжается 20 минут и повторяется десятки раз в день.

В отделе этнографии построены целые поселки разных индейских племен. В отделе исследовательских лабораторий показаны все новые достижения в области рентгенотехники, радиотехники, «лучи смерти» и т. д. (обо всем этом будет рассказано в следующих номерах «Пионера»).

Очень интересно дана модель горы Ронер. С горы сползает большая льдина из настоящего льда, приготовленного электрическим рефрижератором (охладителем), а у подножия растут карликовые сосны. Система проекционных и осветительных аппаратов изображает восход и заход солнца и движение облаков.

С большим интересом смотрит публика и всякие «научные фокусы». Так например над одним столом висит плакат: «Администрация убедительно просит всех желающих из публики взять эти вещи себе на память» — на столе лежит двадцатидолларовая монета и стоит блюдо с бисквитами, но ни один человек не может их взять, потому что их охраняет «предохранитель от воров».

Китайская викторина

Ребята! Соберитесь кружком и попробуйте ответить на эти вопросы. Потом проверьте на последней странице, правильно ли ответили.

1. Откуда пошло выражение «китайская грамота»?

2. Что изобрели китайцы?

3. Какая самая длинная постройка в мире?

4. Почему Чан Кай-ши каждый год клянется уничтожить советские районы?

Метеоритный поток над Ленинградом

В ночь на 10 октября в Ленинграде наблюдалось необычайно редкое явление — дождь падающих звезд из созвездия Дракона. Метеоритный дождь, по вычислениям астрономов Пулковской обсерватории, имеет связь с кометой, открытой итальянским астрономом в 1900 г. В ночь на 10 октября земля проходила близ орбиты этой кометы. Пулковская обсерватория сфотографировала дождь падающих звезд и в настоящее время разрабатывает материалы своих наблюдений. В ближайших номерах будет рассказано о метеоритах и Пулковской обсерватории.

ФРЕГАТ

Рассказ Г. Замчалова

Рисунки Губина

Лет сто тому назад на Украину приехал немецкий купчик Фейн. Купил он участок степи, стал разводить на нем овец и очень быстро разбогател.

Фейн выдал свою дочь за соседнего богача Фальца. Получилась не только одна семья Фальц-Фейнов, но и один общий капитал.

Лет через тридцать Фальцфейнов стали называть украинскими «овечьими королями». Из своего имения Аскания Нова они управляли такими пространствами степи, на которых можно было разместить целое государство. Овец у них развелось столько, что если бы их поставить в одну шеренгу одна к одной, то они растянулись бы на четыреста километров.

Вместе с большим богатством приходит великая спесь. Пришла она и к Фальцфейнам. Стали они лопаться от желания хоть чем-нибудь похвастать перед людьми. Ума у них особого не было. Вот они и пустили в ход деньги. Скажут им, что чья-нибудь корова или лошадь получила медаль на выставке, моментально едут и во что бы то ни стало покупают эту корову или лошадь. Прочитают в книжке, что у царей и у самых больших богачей в имениях роскошные сады, а в садах редкостные деревья, пруды, цветники, и в тот же день нанимают рабочих копать пруды, разводить цветники, посылают людей в далекие страны закупать редкостные деревья.

Дивитесь, люди: вот какие мы, Фальцфейны!

Вот в такой семье родился однажды маленький Фальфейн. Немудрено, что он, как говорится, был еще в пеленочках, а спесь у него была с теленочка. С малых лет всякие няньки, мамки и приживалки твердили ему:

Цапля

— Ах, какой изумительный мальчик! Какой он розовый, умный, красивый! Лучше его нет во всем свете.

Мальчик в самом деле был розовый и толстенький, как поросенок. Он самодовольно посмеивался и говорил:

— Конечно я лучше всех. Мой папа кого хочешь может купить и продать.

Когда он подрос, его отдали в школу. Учителя тоже расхваливали его, потому что папа платил им большие деньги. Но другие мальчики не захотели удивляться.

— Чего ты нос дерешь?—говорили ему.—Ведь ты обыкновенный толстый мальчик, только ленивый и поэтому хуже нас учишься. Чего же ты форсишь?

Маленького Фальцфейна огорошили такие слова. Он понесся домой, дал деревенским парнишкам денег и попросил поймать ему десять воробьев. На другой день он пришел в школу и сказал:

— А я вчера поймал десять больших воробьев. Теперь они сидят у меня в клетках и чирикают прямо в комнате.

Фламинго

— Врешь?— удивились мальчишки.—Вот это здорово!

С этого и началось. Через месяц у маленького Фальцфейна было уже сто воробьев, по два, по три в каждой клетке. Потом появились жаворонки, скворцы, журавль и две утки. Все родные и знакомые, гости и прислуга жужжали мальчику в уши:

— Ах как много у тебя птиц! Прямо удивительно до чего ты любишь птиц!

Мальчик сиял от восторга и старался все больше накупать гусей, аистов, дроф и всяких других птиц. Через несколько лет их развелось у него столько, что для них уже пришлось строить особые дворики—вольеры. Пришлось нанимать людей, чтобы кормить их и ухаживать за ними.

Так продолжалось до тех пор, пока маленький Фальцфейник не превратился в большого, толстого Фальцфейна. В это время умер его надоедливый папаша. Все деньги достались ему. Он стал владыкой Аскании, еще других поселков, бесчисленного стада овец и громадных степей.

Вот тогда-то и разошелся во-всю. «Ага, — думал он,—мальчишки в детстве говорили, что у меня нет ничего удивительного. Ну, так я им покажу теперь».

И он стал покупать уже не только птиц, но и животных: лошадей, коров, оленей, диких зебр, антилоп, зубров и всяких других животных. Он выписал ученых и заставил их работать над тем, чтобы развести ему самых лучших животных, какие только есть в мире.

Однажды толстяк сидел в своем кабинете и гудел одному старому ученому:

— Вы должны мне создать что-нибудь такое, чтобы об этом непременно напечатали в газетах. Понимаете? Чтобы весь мир узнал и все толстяки, какие есть на свете, полопались от зависти ко мне.

Филин

Ученый знал одну тайну. Он сделал открытие, что если скрестить двух животных разных пород, то от них получатся дети, гораздо лучше и полезнее, чем родители.

Он узнал это из книг, но ему надо было поверить, как это получится в настоящем хозяйстве с большими животными. А проверить это он не мог, потому что у него не было никаких животных и не было денег, чтобы купить их. Вот он и стал уговаривать скупого толстяка:

— Поверьте мне. Я много работал над этим вопросом. Видите: волосы мои из черных стали совсем белыми. Я знаю, что все будет так, как я говорю. Только не пожалейте для меня десяти ваших кобылок,—ведь у вас их сотни. Я пущу к ним самца зебры, и у кобылок родятся чудесные жеребята: полулошади, полузебры. Они будут называться зеброидами и будут так красивы и сильны, как еще не была красива ни одна чистокровная лошадь, ни одна чистокровная зебра. Тогда про вас непременно напечатают в газетах и вы прославитесь на весь мир.

Толстяк согласился.

Но когда все уже было готово и толстяку надо было только подписать записку, что 10 лошадей он отдает ученому для опытов, им вдруг овладела такая ужасная скупость, что он схватил перо и зачеркнул у десятки нолик.

И тогда получилось, что из многих сотен лошадей он смог уделить ученому только одну, самую захудалую, хромую водовозную клячу.

Старый ученый закусил губы от возмущения. Но что ему было делать?

* * *

Прошло одиннадцать месяцев, и у хромой водовозихи родился розовый полосатый жеребенок. Толстяк велел дать ему кличку «Фрегат», должно быть он думал, что чудесный конь должен вырасти таким же большим, как корабль.

Фрегата пустили в степь пастись вместе с другими жеребятами. Он стал расти и с каждым днем делался все лучше, все красивей. Толстяк часто призывал к себе ученого и справлялся:

— Ну, как наш чудесный конек? Скоро уж его можно будет показать моим соседям?

— Фрегат — молодец!— с гордостью отвечал старый ученый.—Он будет у нас таким красавцем и силачом, что с ним не сравнится ни одна домашняя лошадь. Потому что он—помесь дикого животного с домашним. Вы только подождите еще немножко, пусть ему исполнится четыре года.

Ученый говорил так, а толстяку уже не терпелось, и он раньше времени начал хвастать перед всеми соседними толстяками:

— Что ваши лошади? Вот у меня есть конь, так конь! Такого коня у вас никогда не было и не будет.

Он так прожужжал им уши, что толстяки наконец не выдержали:

— Да покажи ты нам это свое чудо. Хвастаешь, хвастаешь, а может быть у тебя и нет его. Как же мы можем поверить тебе, даже не видя его?

Орел-могильник

И вот, когда Фрегату было только три года и один месяц, толстяк созвал полон двор гостей. Он привел их к конюшне и сказал:

— А ну-ка, старый ученый, покажи им нашего чудесного Фрегата.

Старику не хотелось раньше времени показывать лошадку, но делать было нечего. Взял он уздечку, надел на Фрегата и вывел его во двор, на глаза толстякам. Толстяки взглянули—и все разом покатились со смеху. Они трясли толстыми животами, махали толстыми руками и от хохота не могли выговорить ни слова.

Потому что Фрегат, хотя и был стройным, красивым конем, но он был маленького роста. Ведь и отец-зебра и мать-водовозиха у него были маленькие, откуда же он мог сделаться великаном?

— Ха-ха-ха!—тряслись толстяки.—Это и есть твое чудо? Верно, что чудо: его можно в кармане носить, а когда нужно, вынул, сел и поехал.

— Хо-хо-хо, вот уморил! Видно, твой зеброид от отца получил злость да упрямство...

— Хи-хи-хи, а от матери-водовозихи — ее силу, хи-хи-хи, и резвость...

Толстяк от злости налился кровью—вот-вот лопнет. Подлетел с кулаками к старому ученому и заорал:

— Застрелю! Убью! В тюрьму засажу! Если хочешь быть живым, то сейчас же покажи нам, что Фрегат хоть чем-нибудь лучше домашней лошади.

— Но ведь он еще молод,— пробовал возразить ученый.—Если его сейчас испытывать, он может погибнуть.

— Знать ничего не хочу!—орал толстяк.—Вынь да положь мне доказательства.

— Хорошо,—согласился ученый.—Воля ваша, приказывайте.

Толстяки посоветовались между собой и решили назначить испытание на утро, чтобы больше было времени.

—А пока,—сказали они хозяину,—ты бы неплохо сделал, если бы велел запереть этого дурака вместе с его чудом в конюшню. А то еще удерет, и мы лишимся редкой потехи.

— Кроме того,—зашептал самый трусливый толстяк,—поставь на всякий случай человека, чтобы он тайком следил за ним. Кто их знает: говорят, эти ученые могут сквозь стенку пройти и наделать всяких бед.

Стервятник

После этого толстяки пошли в белый дом и до поздней ночи пировали. А человек, приставленный ими к конюшне, каждые двадцать минут прибегал и докладывал:

— Старик целует розового конька. Он гладит его полосатую шею и плачет.

— Старик сказал, что вы, толстяки, безжалостны и вы замучите розового конька до смерти.

— Старик привязал к столбу какую-то пружину с часами, а к пружине—розового конька, когда ко-

Марал

нек хочет бежать, пружина натягивается, а старик смотрит на часы и что-то вычисляет.

— А!—говорили толстяки. —Это он пробует силу своего чуда. Ну, пусть пробует. Завтра мы ему устроим пробу немножко почище, чем на пружине.

* * *

На утро все толстяки собрались у конюшни. Старик, к сожалению, не ошибался: розовому коньку, видно, и в самом деле пришел конец. Толстяки выбрали в конюшне самую рослую и сильную лошадь—белого Султана. Его подвели к длинной немецкой телеге, наполненной тяжелыми мешками с песком, и стали запрягать.

Султан рыл землю копытами, выгибал лебединую шею и смотрел на людей горячими преданными глазами. Длинная грива и хвост его развевались по ветру.

Когда с другой стороны подвели к нему в пару розового конька, толстяки опять схватились за животы и затряслись от хохота. Фрегат едва доходил Султану до плеча. Туловище у него было короткое и круглое. Когда на него надели сбрую, он просто утонул в ней,— так она была велика ему.

Пришлось наскоро вызывать шорника и перешивать всю справку. Наконец все было готово, и Фрегат влег в хомут вместе с Султаном.

Он был и правда очень смешон. Гривка у него стояла торчком, чолки не было вовсе, а голова была гола и не по туловищу велика. От крика и суетни людей бедный конек совсем растерялся и глядел на всех, как ребенок.

Старик отвернулся, а потом и вовсе убежал прочь, чтобы не видеть жестокой забавы.

Телега тронулась. Лошади должны были везти тяжелый воз до тех пор, пока кто-нибудь из них не упадет. Кто-нибудь из двух непременно должен был погибнуть в этой борьбе. И толстяки-помещики, зная силу могучего Султана, шутя замахали шапками и закричали коньку:

— Осторожней, зеброид! Не налегай слишком ретиво, полосатый великан! Не умори нашего крошку Султана!

Рядом с телегой поехали двое свидетелей. Они должны были наблюдать за лошадьми во время пути, чтобы потом рассказать, как все было. Кроме того один из них вел в поводу запасную лошадь—Калифа. Когда зеброид сдохнет, Калифа должны были запрячь в телегу, чтобы привезти ее обратно.

Телега выбралась в степь: Султан из-под длинной чолки скосил на Фрегата свой синий глаз и прибавил шагу. Должно быть его рассмешила и обозлила эта суетливая встрепанная лошадка, так нахально ставшая с ним в пару.

Фрегат тоже натянул постромки и глянул на большого красавца-соседа.

Вы ведь помните, что у него вовсе не было никакой чолки. Это только домашние лошади, давно живущие под защитой человека, закрывают свои глаза длинными волосами. А диким лошадям нужна открытая морда. На воле у них много врагов, которых надо видеть издалека.

Фрегат получил открытую морду от своего отца—дикой зебры. И кровь в нем текла тоже дикая, неукротимая. Его злило, что тяжелый груз мешает ему бежать. Он грыз удила и сердито налегал на хомут.

Тогда левый край телеги, где вез Фрегат, заходил вперед. Телега начинала итти боком, и кучеру приходилось подгонять Султана.

Скоро Султан потемнел от пота, как выкупанный. Фрегат тоже сильно вспотел, но быстро обсох. А у Султана на боках показалась пена.

Антилопа кана

Так проехал тяжелый воз сорок верст. Под большими глазами Султана не высыхали ручьи. Пена хлопьями падала на землю, и он уже не раз спотыкался.

В это время телегу догнали коляски с гостями Они ехали к тому месту, где тяжелый воз должен был повернуть и поехать назад. Толстяки промчались мимо с хохотом и криками.

— Она еще жива, эта полосатая мышь? Ну, крепко же ей достанется!

— Да, уж Султан вышибет из нее дух!

— Кучер! Ты тогда не бросай ее в поле, а положи на воз, и пусть уж Султан с Калифом повезут ее до нас. Мы подарим ее старому ученому.

И никто из них не заметил, как сильно изменился и похудел за эти сорок верст веселый Султан.

А маленький Фрегат старался, как мог. Он тоже был мокрый. Из-под ремней сбруи проглядывала пена. Но крепкие стальные ноги зеброида пока и не думали спотыкаться. Фрегат налегал на хомут, и телега все стремилась итти боком.

На пятьдесят первой версте показалась деревня. Султан—белый конь—поглядел на нее и заржал. Вдруг колени его подогнулись. Он рухнул на землю и сдох.

Свидетели, ехавшие рядом, остановились и стали удивленно перешептываться между собой. Кучер слез

Зебра

и начал снимать с мертвого Султана сбрую, чтобы надеть ее на Калифа.

Вороной Калиф был такой же красивый и рослый конь, как белый Султан. Толстяки ожидали, что он привезет дохлого зеброида. А теперь вот ему приходилось занять место Султана, чтобы повезти телегу до деревни.

Пока перепрягали больших лошадей, полудикий конек выкатался на траве и хорошенько расправил свое мускулистое тело. Он уже приготовился было попастись на траве, но люди взяли и снова прикрепили его к тяжелой телеге.

Тогда Фрегат рассердился и, должно быть, решил убежать от телеги. Он так стремительно бросился вперед, что Калифу пришлось очень даже поторапливаться. Кучер шевельнул Калифа кнутом, тот прибавил ходу и стал быстро покрываться потом.

А телега все-таки шла бочком. И свидетели, ехавшие рядом, стали все громче и громче удивляться розовому коньку. Теперь уж они очень жалели его и радовались, что деревня—вот она, совсем близко. Там кончится наконец это жестокое испытание.

Но когда телега в'ехала в деревню и изумленные толстяки поняли, в чем дело, они в страшном гневе затопали ногами и свирепо заорали:

— Назад! Назад поворачивай!

— Гони эту полосатую гадину! Бей ее!

— Хлещи! Дави! Ар-р! В-з-з!

* * *

Солнце уже задело одним краем за землю. По степи медленно двигались длинные тени.

Это ехала телега, запряженная парой коней.

Справа шел, спотыкаясь, высокий вороной жеребец. Слева—маленькая вз'ерошенная лошадка.

Она тоже была сильно измучена. Но дикие ноздри ее чуяли уже запах поселка. Лошадка пофыркивала и довольно бодро еще смахивала хвостом мух со спины. За телегой ехали свидетели и во весь голос расхваливали чудесного розового конька.

В поселке, на балконе белого дома стояли все толстяки, ожидая телегу. Когда она показалась на дороге, толстяки посмотрели на нее и уныло стали переговариваться между собой:

— Ну, что же. Лошаденка, правда, ничего. Крепкая лошаденка. Но и Калиф тоже молодец.

— Еще бы, вон как тянет! Шестьдесят с лишним верст прошел—и как ни в чем не бывало.

— А Султан наверно был просто больной, вот он и сдох.

Бизон

— Ну, конечно. Никаким тут чудом и не пахнет.

Телега уже в'езжала во двор, и тут на глазах у всех толстяков прекрасный вороной конь упал на колени. Ни крики, ни понукания не могли поднять Калифа. Он медленно оседал на землю, и большое красивое тело его делалось вялым, как мешки с песком, лежавшие на телеге.

Его отпрягли. Чудесный конек одним боком потащил тяжелую телегу во двор. Тут откуда-то вышел седой, слабый старик. Он уперся плечом в телегу и, кряхтя и охая, стал помогать своему любимцу.

На утро, когда раз'ехались гости, толстяк призвал к себе ученого и сказал:

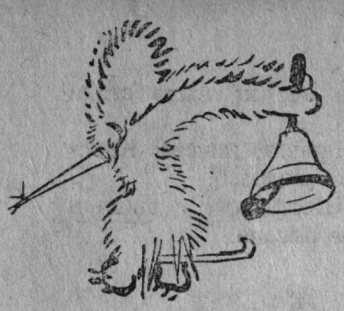
— Старик! Ты доказал, что я не зря тебя кормлю. Отныне я разрешаю тебе пользоваться моими лошадьми. Бери их и выводи этих чудесных коней как можно больше.

— Благодарю вас, но я бы хотел теперь этот опыт произвести над другими животными.

— Что-о?! Ты с ума сошел? Зачем тебе рисковать другими, когда мы уже научились выводить зеброидов?

— Видите ли, человечеству нужно установить законы для всех...

— Да плевать мне на твое человечество! За Фрегата мне уже дают две тысячи. Если ты разведешь мне таких тысячу штук, то я заработаю два миллиона золотом. Можешь ты это понять: два ми-лли-она! Это поважнее твоего человечества.



ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ ДАЕТ УРОК ФИЗИКИ

Гидролюбов чудит

Всякому уроку полагается начинаться и кончаться в классе. А этот урок начался в цирке, продолжался на улице, потом перекочевал в класс и кончился у каждого по-своему. Но надо рассказать все по порядку.

Началось с того, что заболел учитель физики в юркином классе. Заведующий школой, не желая срывать занятий, решил попросить инж. Гидролюбова дать хотя бы один урок. Сам Юрка принес дяде приглашение.

Дядя быстро прочитал записку, утвердительно хмыкнул и заявил:

— Юрка, вымой руки и почисти пальто: мы идем с тобой в цирк.

Юрка остолбенел: Гидролюбов и вдруг... цирк!

И вот тут в цирке и произошло то, что послужило началом этого необычайного урока. В конце представления на середину арены вышел человек в униформе и об'явил:

— Заграничный аттракцион! Братья-жонглеры! 2 Леонарди 2!

Представьте себе: на стульях сидят два самых обыкновенных гражданина. У каждого из них на лбу стоит высокий шест. На верхнем конце шеста быстро вертится таз — самый простой синий эмалированный таз. В обеих руках у каждого по маленькой тонкой палочке, и на концах палочек вертятся глубокие обеденные тарелки. Наконец каждый из жонглеров поднял правую ногу, и на конце его большого пальца быстро вертится маленький красный тазик.

Не успели жонглеры уйти с арены, как вдруг Гидролюбов взволнованно заговорил:

— Юрка! Ведь это же физика! Настоящая физика! Прекрасное доказательство физического закона. Но почему они не говорят об этом перед выступлением? Глупцы!

Потом он неожиданно вскакивает с места и кричит на весь цирк:

— Браво, 2 Леонарди 2! Браво два физика!

Юрке было стыдно за дядю: в очках, с бородой, а так себя ведет. И где он нашел физику? Просто ловкие и сильные люди. Вот и все. А дядя просто чудит от скуки.

Когда они выбрались из цирка, они встретили на бульваре велосипедиста. Очевидно он не очень хорошо умел управлять своей машиной. Во всяком случае, под'езжая к ним, он затормозил велосипед и растянулся у самых ног Гидролюбова. Потом он встал, хотел было снова сесть на велосипед, но вокруг стояло много народу, ему не удалось разогнать машину, и он снова шлепнулся. Но на этот раз ему было вероятно очень больно, потому что было видно, что ему трудно подняться с земли. И вот вместо того, чтобы пожалеть человека, Гидролюбов неожиданно набросился на него с ругательствами:

— Надо знать физику, молодой человек! Физику! Рекомендую завтра же отправиться в цирк и посмотреть жонглеров. Они прекрасно знают физику, и у них все идет благополучно. А вы физики не знаете и шлепаетесь. Хотя у вас и жонглеров один и тот же закон. Итак, молодой человек, сходите в цирк и изучайте физику!

Юрке стало ясно: с Гидролюбовым что-то случилось. И он окончательно растерялся, когда, прощаясь с ним у себя в комнате, Гидролюбов сказал:

— Вот что, Юрка! Завтра я буду заниматься с вами по физике. Захвати в класс волчок и обруч. Мы будем говорить о 2 Леонарди 2 и об этом глупом велосипедисте. Да, и еще: мне помнится, что в передней, на шкафу, в желтой коробке, лежит моя старая фетровая шляпа. Если она сохранилась, принеси обязательно. Спокойной ночи!

Ложась спать, Юрка решительно заявил отцу:

— Ты знаешь, папа, дядя сошел с ума!

Гидролюбов—жонглер

Юрка не посмел ослушаться: в класс он принес волчок и старую гидролюбовскую фетровую шляпу. Нехватало только обруча: он оказался безнадежно поломанным.

Гидролюбов вошел в класс сияющий.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята!.. А-а-а, принес волчок. Хорошо. А где же обруч? Поломан? Ну чтож, будем работать сегодня без обруча, с одним волчком. Кто из вас, ребята, умеет хорошо пускать?

Класс молчит. Потом раздается шопот:

— Наташа... выходи... выходи... Ты—спец.

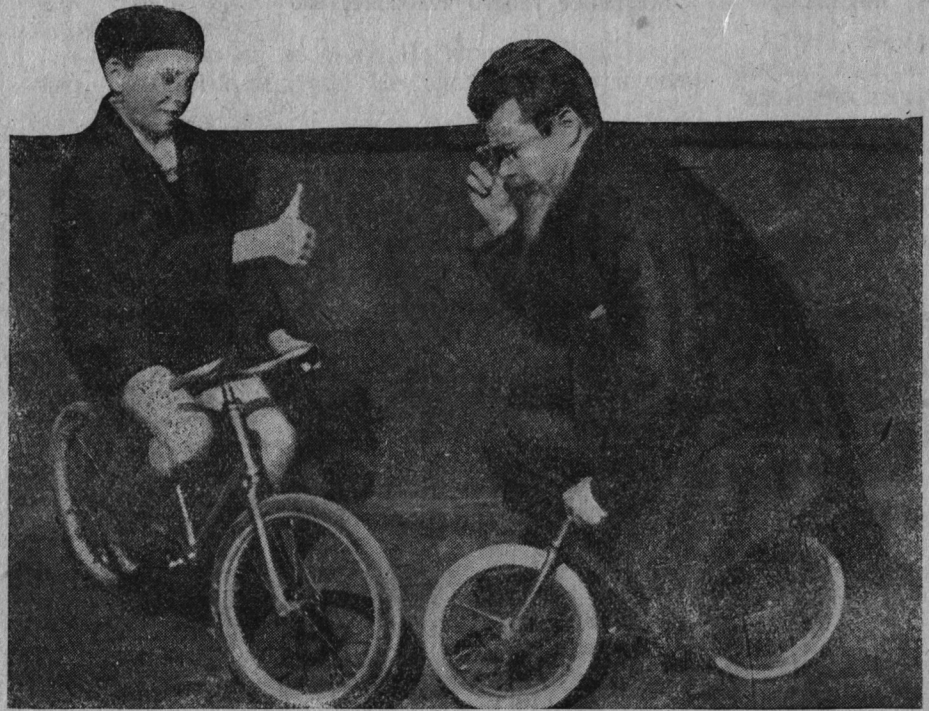
Наташа боязливо вышла. Она долго возилась с волчком: руки не слушались. Наконец волчок пошел. Он гудел ровным, ритмичным гулом на столе Гидролюбова, потом соскочил на стул, со стула на пол и все-таки продолжал быстро вращаться рядом с гидролюбовским ботинком.

Гидролюбов сиял.

— **Это замечательная** игрушка, ребята. И притом упрямая игрушка! А ну-ка, попробуй, Наташа, повалить волчок. Ткни пальцем... Ага! Видите, он только еле-еле качнулся, а потом снова выпрямился. И снова вертится на тонком, остром наконечнике своей оси... Вы что так странно смотрите на меня, ребята? Вы думаете, волчок — нестоющая детская игрушка? И ею нечего заниматься на уроке физики? Неправда! К нему с почтением относится капитан любого парохода. Его уважает каждый летчик. Без него прескверно чувствует себя артиллерист И тот, кто не знает законов волчка, всегда будет плохо кататься на велосипеде.

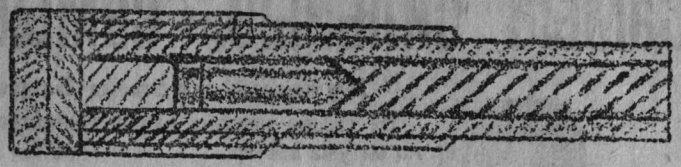
Вчера я был в цирке и видел жонглеров. Они ловко вертели на острие тонких палочек большие эмалированные тазы. У меня таза нет. Но зато у меня есть моя старая фетровая шляпа. И я сейчас проделаю с ней интересный фокус.

Шляпа полетела вверх. Она легко коснулась потолка и начала падать вниз. Гидролюбов поднял карандаш и ловко поймал шляпу на карандашное острие. И это было сделано так ловко,

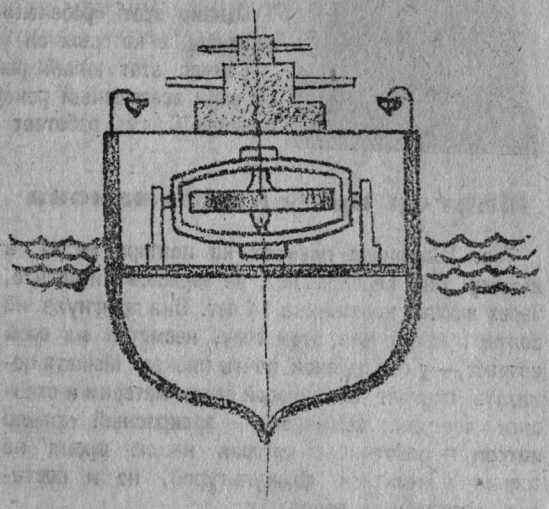


В цирке дядя заинтересовался маленьким велосипедистом Вартанио, который показывал чудеса физики на арене цирка

Так Пат убеждал дядю, что Леонарди вовсе не физики, а жонглеры. На плече у дяди сидит одиннадцатилетний наездник Слава Серж. Снимал Юрка Гидролюбов



По этой нарезке двинется снаряд в стволе орудия



Громадный, тяжелый волчок выпрямляет судно в самую большую качку

что показалось всем ужасно простым и легким. Вот почему после этого Казаков так смело вышел к столу и заявил, что сделает то же самое.

— Если знаешь физику, изволь.

Казаков уверенно подбросил шляпу вверх. Она несколько раз перевернулась в воздухе, стукнулась о потолок и начала падать. Казаков подставил карандаш. Но шляпа коснулась карандаша своей верхней поверхностью и упала на пол. Казаков покраснел. Он снова схватил шляпу и снова подбросил. Шляпа опять несколько раз перевернулась в воздухе, опять ударилась о карандаш, шлепнулась на стол и опрокинула чернильницу.

Красный как рак, сконфуженный Казаков идет на свое место. А Гидролюбов улыбается и весело поглаживает свою нелепую прямую бороду.

— Да-а... не вышло. И все только из-за того, что ты, Казаков, не знаешь физики.

Гидролюбов задает задачу

— Все это ужасно просто, ребята: в фокусе со шляпой я пользуюсь законами моего волчка, вот и все. Вы заметили: когда волчок вертится, его очень трудно опрокинуть. А почему? Потому что нам сопротивляется сила инерции. Слышали о такой силе? Она всегда стремится сохранить неизменным то состояние или то направление, в котором в данный момент находится тело. Волчок вертится, вертится строго вокруг своей вертикальной оси. Вы хотите его повалить, вы хотите нарушить направление его движения. Но сила инерции говорит вам: стой! И снова выпрямляет волчок.

Когда я показывал вам фокус со шляпой, я превратил ее в волчок: подбрасывая в воздух, я заставил ее вертеться вокруг ее вертикальной оси. И она летела и вертелась. А сила инерции во все время ее полета сохраняла ее в таком же положении. Это дало мне возможность очень легко поймать ее на острие моего карандаша.

Гидролюбов продолжал:

— Все это конечно фокусы, ребята. Но техника прекрасно использовала эти фокусы волчка для своих целей. Взять хотя бы военное оружие. Ведь снаряд, когда он вылетает из дула, это тот же волчок.

Снаряд летит и вертится. И это делается нарочно: чтобы снаряд летел точно по тому направлению, по которому его отправил артиллерист, а не вел себя в воздухе так же безобразно, как вела себя шляпа, когда ее бросал Казаков.

— А кто же вертит снаряд? — не утерпел Юрка.

— Для этого, Юрка, на внутренней стороне дула делают спиральную нарезку. По этой нарезке движутся выступы снаряда. И снаряд уже в дуле орудия получает вращательное движение и вылетает из него волчком.

Но это далеко не все, ребята. Взять хотя бы морской пароход. Вы сами знаете, какая это скверная штука, морская качка, особенно на военном судне во время боя. Вам надо стрелять, а судно ныряет носом. Попробуй, попади! Тогда к вам на помощь приходит волчок. Не такой конечно маленький, как этот, а громадный, тяжелый, металлический. Если его соединить с корпусом судна и заставить быстро вращаться, он будет выпрямлять судно в самую тяжелую морскую качку.

То же самое и с самолетом: помещенный на нем волчок выпрямляет его даже в ураган.

И наконец, ребята, та же картина и с велосипедом. Когда он быстро движется...

Но тут прозвенел звонок. Урок кончился. Гидролюбов должен был уходить. Но ребята его не отпускали.

— А как же велосипед?

— Ведь у него нет никакого волчка?

— Он сам волчок, ребята. Видите ли... но нет, я не буду вам об'яснять, догадайтесь сами. А для того, чтобы было легче, я помогу вам: подумайте как следует над тем, почему велосипедист, когда быстро едет, прекрасно удерживает равновесие, а когда останавливается, обязательно шлепается... Ну, прощайте, ребята.

Уже в дверях Гидролюбов остановился.

— Если хотите, ребята, пришлите мне письменные ответы на мою задачу. Потом мы с вами как-нибудь встретимся, обсудим и решим, кто из вас оказался победителем. Прощайте.

ГИДРОЛЮБОВ ЖДЕТ ПИСЕМ

На этом кончился не совсем обычный урок по физике. Гидролюбов ушел. Но ребята всю перемену горячо спорили о волчке.

Несколько дней они возились с волчком дома, но так и не решили задачу о велосипеде.

А Гидролюбов, долго не получая писем, обратился к редакции «Пионера» с просьбой рассказать на страницах журнала о его уроке и попросить всех читателей «Пионера» попробовать решить эту задачу.

Самые сильные, самые ловкие люди Союза

Лучший пловец Борисов

Он совсем недавно начал заниматься спортом, но он уже мастер.

Когда Борисов первый раз приехал в Ленинград на соревнования в составе команды московских пловцов, то некоторые ленинградцы смеялись над москвичами, что они «привезли ребенка» на соревнования с такими опытными мастерами, как Шумин, Остен-Сакен и другие.

Однако этот «ребенок» взял да и выиграл те заплывы, в которых он участвовал.

Сейчас этот юный рекордсмен, установивший не один всесоюзный рекорд, один из сильнейших пловцов Союза, работает на заводе им. Сталина.

С быстротой поезда

Москвич Дм. Васильев прошел 20 километров на лыжах в 1 час 17 мин 23 сек.

Норму по лыжам в 10 км. он проходит в два раза скорее рядового физкультурника. Он ходит на лыжах со скоростью поезда: 500 м. он пробегает в 45,1 сек., т. е. делая почти 40 км. в час.

Сейчас, несмотря на свои 38 лет, он с успехом выступает на конькобежных соревнованиях.

Мастер прыжка Шаманова

Тов. Шаманова прыгает на полтора метра в высоту. Она перепрыгнет, не держась ни за что, через любого школьника 14 лет. Она прыгнула на полтора метра и в этом году, несмотря на свой возраст,—у нее ребенок почти пионер. Можете показать портрет Шамановой своим матерям и старшим сестрам. Шаманова — прекрасный пример матери и работницы, которая нашла время не только заниматься физкультурой, но и поставить всесоюзный рекорд.

Конькобежец Я. Мельников

Давно, еще подростком, на катке «Девички» начал бегать на простых коньках Яков Мельников.

Купив беговые коньки, он через 2 года, в 1915 г., уже выиграл первенство России по конькам.

Сейчас имя Якова Мельникова самое известное не только среди наших конькобежцев, оно хорошо известно и за рубежом, где Мельников не один раз устанавливал международные рекорды.

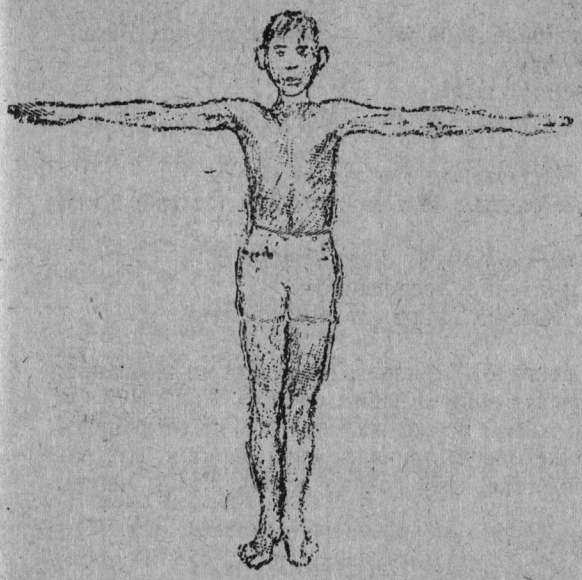
Командир Корниенко—лучший бегун

Тимофей Корниенко — один из лучших бегунов Союза на короткие дистанции.

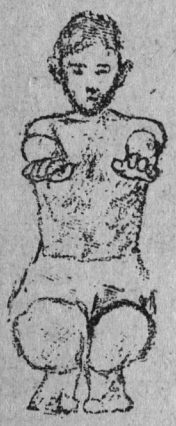
Впервые его имя услышали на Всесоюзной спартакиаде 1928 г. когда высокий, стройный сибиряк, командир Красной армии, пробежав стометровку в 10,8 сек., выиграл первое место и установил новый всесоюзный рекорд. Сейчас Тимофей Корниенко — командир одной из частей Особой краснознаменной дальневосточной армии.

РАЗ, ДВА — ВСЕ В РЯД
ВСТАВАЙ ОТРЯД!

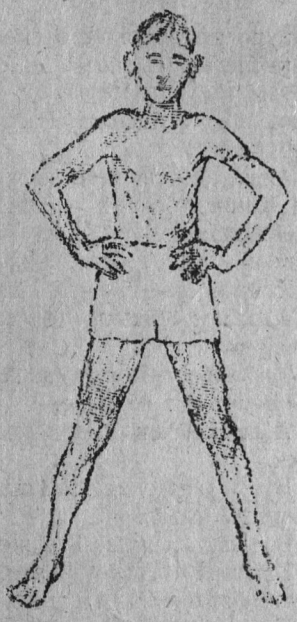
Дома, в школе, в отряде нужно найти время, чтобы провести физкультурную зарядку. После зарядки человек лучше учится, лучше работает. Даем примерные упражнения для зарядки. Итак: встать смирно, вдох, делай раз...



1-е упражнение. Ноги вместе (пятки вместе, носки врозь), руки вниз (пальцы касаются бедер); туловище и голову держать прямо. Медленно поднять руки вперед и вверх (немного шире плеч, ладони вперед) и одновременно подняться на носки (глубокий вздох); медленно опустить руки через стороны вниз, одновременно опуститься на всю ступню, т. е. вернуться в первоначальное положение (выдох). Проделать 5—6 раз.



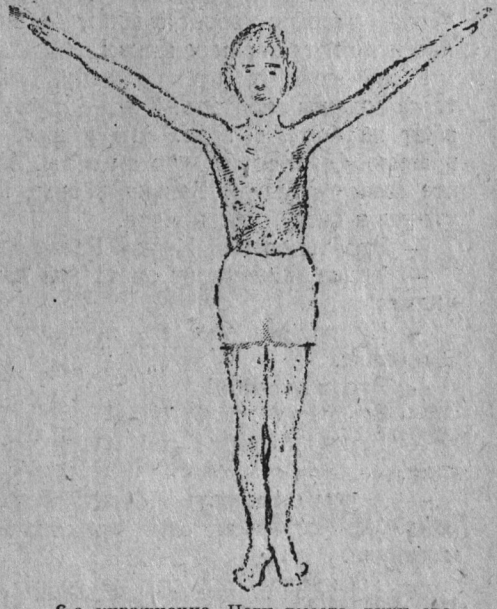
2-е упражнение. Ступни соединены, руки свободно опущены. Присесть на носках (колени вместе, в стороны не разводить), одновременно руки поднять вперед, на ширину плеч, ладони вниз (выдох); выпрямиться в первоначальное положение (вдох). Проделать 6—8 раз.



3-е упражнение. Ноги вместе, руки на талии (большие пальцы назад, локти слегка отведены назад). Поскоки (маленькие прыжки) на месте, на двух ногах, на носках. Ноги с каждым поскоком то расставляют в стороны (на ширину плеч), то составляют опять вместе. Дышать спокойно, глубоко, не задерживая дыхания. Проделать в 20—30 секунд 40—60 поскоков. После поскоков (без остановки) ходьба на месте длительностью около 30 секунд.

4-е упражнение. Ноги расставлены на ширину плеч, ступни параллельно; руки подняты вверх, немного шире плеч, ладони вперед; туловище и голова прямо. Быстро — «рывком» наклонить туловище вперед так, чтобы коснуться пальцами рук пола, но не сгибать ноги в коленях (выдох); медленно выпрямиться в первоначальное положение (вдох). Проделать 6—8 раз.

5-е упражнение. Ноги вместе, руки вниз. Наклонить туловище влево, одновременно руки скользят по туловищу: левая рука—вниз, к колену, а правая—кверху к подмышке (выдох); выпрямиться в первоначальное положение (вдох). То же упражнение, но в правую сторону, движения рук—обратные. Проделать попеременно по 3—4 раза в каждую сторону.



6-е упражнение. Ноги вместе, руки свободно опущены. Медленно поднять руки вперед и развести в стороны, одновременно подняться на носки (вдох); медленно опустить руки обратно вниз, одновременно опуститься на всю ступню (выдох). Проделать 3—4 раза.

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Американский молодой инженер Дуглас Штиммер и негритенок Майкель Бьерк, по прозвищу Хеппи, — приятели.

Штиммер спас Хеппи от самосуда. Потом они вместе работают на строительстве плотины. Штиммер сочувствует недовольству рабочих. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке. Они на пароходе прибывают в СССР. Здесь Штиммер устраивается инженером на строительстве Уралхимкомбината. Хеппи знакомится с ребятами. Сильный буран причинил строительству много аварий. У воздуходувки во всех этажах вышибло окна. Ликвидировать эту аварию был послан инженер Повенцов. В аврале активно участвует Хеппи. Он отмораживает себе руки. Несмотря на это, на следующий день его выбирают бригадиром группы ребят, расчищающих снег после бурана.

(Окончание)

Роман Сергея Григорьева
Рисунки П. Кузьмичева

ПО ЛЫСКИ МАГИСТРА

К кауперам прорыта в снегу широкая траншея. Ребята, распевая, пошли к школе, где им обещали дать за труды по бутерброду с повидлой. Около Хеппи остались свои: Алешка, Ваганчик, Абрамчик, Балайка и еще кое-кто.

— Айда, ребята, чего держишь? Ты нет больше бригадир! Кончал базар! — ворчал Балайка.

— Повидла не пропадет,— говорил Алешка,— мы с Хепкой вам такое дело скажем... Важнец!

— Какое может быть дело?

— А такое. Видали вы сегодня Магистра—Ваньку Тюляля?

— Мы его и вечор не видали,— ответил кто-то.

— «Вечор» и не надо.

— А на кой он мне и ноне сдался? Он с нами не водится.

— Ну, я вам скажу: Ваньку снегом засыпало. Его откапывать надо...

— Врешь, Алешка. Где же его засыпать могло?

— Вон в Коксокомбинатах, где уркаганы живут.

Хеппи остановил Алешку:

— Ты забывал? Это тайный секрет...

— Ну да! Секрет! Если магниты побросали, секрету нет. Да и вообще скажу: я тайнов терпеть не люблю!

Хеппи обратился к своему переводчику и по-английски долго и убедительно ему говорил. Что? Абрамчик понял лишь одно, и это перевел на русский язык остальным.

— Хеппи говорит, что не надо откапывать Ваньку. Он не хотел итти работать, когда просигналили аврал. Хеппи—старый морской волк, он не один раз бывал еще и не в таких переделках.

Когда свистят всех наверх, дело серьезное, все тогда должны работать. Кто не работает, того выкидывают за борт, в море. Это у них, у моряков, такое правило. Он говорит, что он и ты, Алешка, с ним вместе сами выкинули Ваньку в снег, как в море. И он утонул в снегу, как в море.

— Это ты врешь, Хепка! Разве в снегу тонут?

— Хепка никогда не врет! Мы его в море! Мы его кидали.

— Ну да, мы там его покинули, где он и был.. В подвале.

— Это все равно!

— Все равно, да не одно!

— Пусть копается сам! Один выплывет — его счастье.

— А чем он копаться будет? Лопата-то у него была одна? Мы ее взяли, сами прокопались да наружи ее и кинули.

— Товарищи! Вот это не дело! Это неправильно! Вы его лишили орудиев труда...

— Я тоже ходил в море,— вмешался Балайка,— лодкам, парусам. Много тонул. Никого не кидал. Меня никогда не кидал! Всегда, кто тонул, доску, весла ему бросал. Это порядок — *наше* море! Каспий... Надо его копать. Я иду!

— Я еще раньше тебя иду! — присоединился Ваганчик.— Я один иду!

— Айда, ребята, все!

— Нет! — оторвал Хеппи. — Моряк не так... Это не простить!

— А еще неизвестно, что ты за моряк.

— Я плавал океан... Мне мореходный книжка дома, там...

— «Там» не считается. Айда, ребята!

Абрамчик выступил посредником:

— Погоди, Хеппи! Ты не хочешь копать?

— Нет!

— Тебе и не надо. И нельзя, принимая во внимание, что ты обморозил руки и набил шишку. Так? Ну? Он может совсем живой и уже жалеет, что не отправился с вами. Он может быть признает свои ошибки. Ну, парень он, право, неплохой. Только дикий. Давай, Хеппи, выкопаем его...

Хеппи задумался.

— Да ну его к дьяволу, айдате без него...

Хеппи оскалил зубы.

— Без него? Нельзя. Кто Хеппи? Хеппи—бригадир. Что сказано инженер Курбатов? Слушать бригадира!

— Кончилось твое бригадирство... Эх, братцы, жрать как хочется... Айдате в школу, чаю дадут с сахаром!

Хеппи обратился к Абрамчику по-английски. Смысл его слов был таков:

— Аврал еще не кончен. Бригада не действует. Хеппи согласен с общим мнением. Он никогда не идет против друзей! Правда, у него болит голова и горит в груди, но это ничего. Бригадир не может покинуть свой пост. Ведь вы убедились, что копать надо под руководством опытного инженера. Хеппи согласен руководить раскопками Магистра. Магистр и Ванька Тюляля — это одно и тоже,— прибавил от себя Абрамчик.

— А мы больше не хотим. Копали, копали целый день, да еще копать, а там може еще по конфетине дадут...

— Когда сразу не хотел, иди теперь сам да копай.. Пойду, сдам лопату. Кончал базар! — заявил Балайка.

ПОД ЕМЕЛЬЕ ОТКЛИКАЕТСЯ

Кучка ребят вокруг Хеппи растаяла. Остались около него только Абрамчик, Алешка и Ваганчик.

«Ах, братцы, мало нас, голубчики, немножко!» — вспомнил старую песню Алешка.

— Ну чего ж, товарищ бригадир, либо бутерброд с повидлой, либо друга выручать?

— Сначала друга. Потом бутерброд! — ответил Хеппи.

— Вот это правильно! Пойдем. Там, я думаю, и работы-то на одну лопату...

— Пошли!

Пробиться к подземелью «Магнит» оказалось легче, чем предполагали: сугроб к стене намело крутой, но не широкий, в нем была еще заметна вчерашняя тропа. Ход в первую камеру занесло только наполовину.

Ребята проникли в первую камеру и осмотрелись, чиркая спичками. Ночничок с жестяным экраном стоял на своем месте. Затеплили его.

— Вот, братцы,— говорил Алешка,— это хитренная дверь, механическая. Ее можно открывать только магнитом. А Хепка ее вчерась ножиком взломал.

— Очень просто! — сказал Хеппи, повторяя то, что сделал вчера.

Он распахнул дверь. За дверью чернела тьма.

— Пожалуйте, джентльмены! Алло! Магистр, вы здесь?

— Здесь! — повторил глухо свод подземелья. Больше никто не отвечал.

— Наверно он задохся! — предположил Алешка.

— Что за вздор! Мы же дышим. Откуда тут может быть вредный газ? — возразил Абрамчик.— Я думаю, что он просто ушел отсюда вслед за вами. И не стоит туда итти... Во всяком случае я не пойду... Там его нет.

ХЕППИ БРЕДИТ

Ребята решили забрать все, что было под силу, из вещей, оставленных в своем убежище Магистром.

— Где он сам-то?

— Да наверно дома, у папаши под крылом. Напрасно только мы старались.

— Как напрасно? А машина? Возможно, это стоющая вещь,—возразил Алешка.—Куда только ее девать?

— Снесем в школу и сдадим под расписку. Може Ванька в самделе изобрел чего.

Так и решили. Собирая вещи, Алешка и Хеппи нашли кинутые ими вчера два своих магнита. Ваганчик и Абрамчик долго шарили по всем углам, надеясь и себе найти по магниту, но безуспешно, больше магнитов не находилось.

— Может быть, ты уступишь мне свой,—попросил Абрамчик Алешку,— я как раз строю сейчас магнитный громкоговоритель Божко и нигде не мог достать... А этот будет, кажется, по размеру.

— Ну, брат, нет. Теперь это мне на память о нонешнем деньке...

— Возьми мой,— предложил Хеппи,— я буду помнить эту ночь и без магнита!

— А тебе не жалко?

— Нет, ничуть.

Вынести все сразу из убежища Магистра было почти непосильным делом. С особыми предосторожностями извлекли из подземелья модель.

На воле уже смеркалось. Всюду засветились созвездия вечерних огней. Над скипом домны вспыхивали попеременно цветные сигнальные лампы. Свечи домны курились беловатыми дымками.

Когда ребята выбрались на расчищенную дорогу, Хеппи почувствовал, что у него кружится голова. В глазах ходили черные облачка. В ушах шумело.

— Я очень устал, братцы, и не могу итти... Мне кажется, что эта машина поставлена не на место. Ее трудно обойти!

— Какая машина, что ты замолол?

— Нет, Алешка, это не мельница, а что-то другое! Она очень гудит!

— Чудак! Ну, коли не хочешь нести, иди домой прямо. Мы одни как-нибудь допрем. Дойдешь один до дому?

— Да! Постучи, пожалуйста, Абрамчик, в окно. Дуди наверно ждет меня. Стучи вот в это окно.

— Какое окно?

— Хепка! Да ты никак захворал? Братцы, это он бредит.

Хеппи выпустил из рук ношу и пошел, сбиваясь с дороги, в снег.

— Стой, куда ты?

Хеппи бормотал что-то по-английски, непонятное.

В это время на дороге показался парный конный патруль заводской охраны. Завидев людей с непосильной ношей, всадники пустили коней галопом, подскакали и остановились около ребят.

Петров! Ну-ка, давай его на луку

— Стой! Кто такие? Что несете? Откуда? Куда? Куда пошел?—закричал патрульный, думая, что Хеппи хочет убежать.— Стой, не уйдешь!

— Очень просто! — ответил Хеппи и упал ничком в снег.

— Он заболел у нас. Мы ученики школы ЦЭС. Несем туда вот эту машину. А он захворал. Это наш бригадир...

— Ну-ка, бригадир, вставай! — сказал патрульный, соскочив с коня. Он поднял Хеппи и поставил его на ноги.

— Эге! Да это ж и есть американский житель! А тебя там заискались. Звонили в отделение из американского городка. Итти можешь?

Хеппи сделал шаг и упал снова.

— Товарищи, его надо в больницу!

— Куда надо, это мы знаем. Петров! Ну-ка, давай его на луку.

Патрульные взвалили Хеппи на коня поперек седла. Парень бессильно поник и свесился через коня, словно петрушка из кукольного театра, головой и руками.

— Вези его! А вы марш за мной!

— Куда?

— В отделение. Ну-ка, шевелись. Забирайте свое барахло.

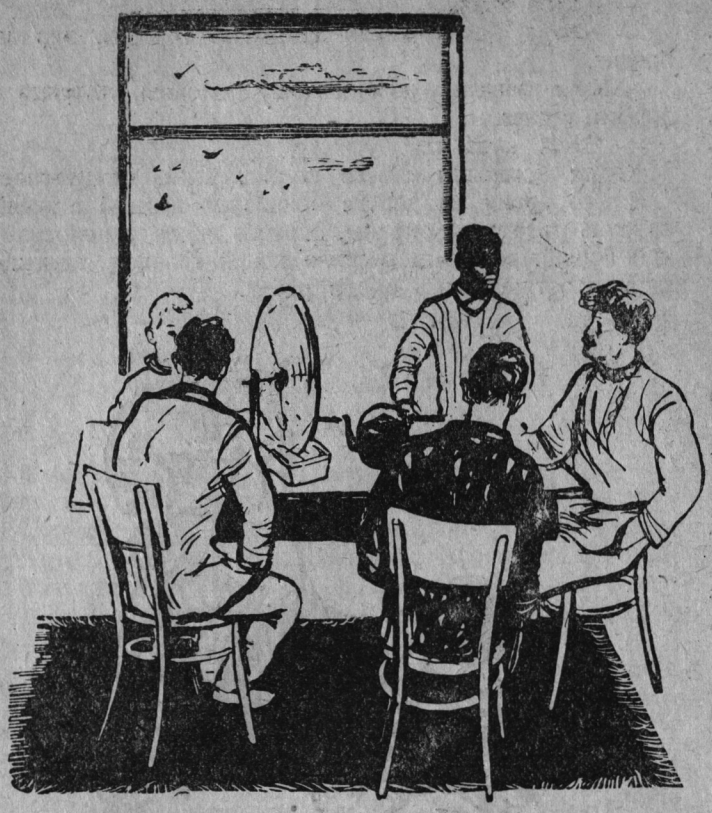
— Товарищ! — сказал Абрамчик.— Может быть возьмете себе один мешок, я вижу, ваш конь очень силен.

— Ишь ты! Ну, давай.

— И будьте любезны, не гоните очень быстро. Нам надо осторожно нести эту машину.

— Ладно. Трогай.

В больнице, куда доставили Хеппи, он оказался в одной палате с изобретателем Магистром — Ванькой Тюляля.



Колесо качнулось и пришло в движение

Время шло. Оба парня медленно поправлялись от жестокого воспаления легких. Ранней весной их в один день выписали из больницы.

ИСПЫТАНИЕ МОДЕЛИ

Степной ветерок ласково вливался в открытые окна кабинета начальника стройки. Запахи скоротечной весны уральских предгорий сплетались с ароматами заводских труб: то пахнет диким укропом, то сладким сернистым дымком, то солонцеватой землей, то жесткой гарью тормозных колодок, то ласково смолистой молодой листвой осокорей, то моторным бензинным чадом, то болотной тиной, то мятным паром...

Начальник стройки Яков Семенович перелистывает номер журнала «Изобретатель». На столе стоит модель, построенная Магистром «Магнита». Тут же лежит чертеж модели.

Инженер Повенцов и директор школы ЦЭС ждут, что скажет начальник стройки.

— Эта машинка — пустая забава или что? — спросил Яков Семенович.

— Это очень остроумная штука, Яков Семенович,— ответил Повенцов.

— Ребята здесь?

— Ждут в коридоре. Они покажут тебе эту штуку в работе. Ваня Тулайбеков построил мотор, вот он стоит перед тобой, для использования небольших разниц температур. Он взял несколько изогнутых, наглухо запаянных медных трубочек и расположил их в виде плоского колеса. Ось колеса и, значит, само оно, ты видишь, может вращаться. Внутри каждой трубочки налито немного серного эфира. Теперь стоит погрузить низ колеса в воду, скажем, горячую или, вернее, значительно более теплую, чем окружающий воздух... Для этого здесь устроено это корытце. В нижних концах трубочек от тепла воды эфир испарится. Колесо теряет баланс, делается как бы кривобоким и трогается. В воду погружаются новые трубочки с неиспаренным еще эфиром. А в тех трубочках, которые вышли из воды, эфир, охлажденный воздухом, сгущается снова в жидкость...

— И вертится? — спросил Яков Семенович.

— А вот увидим. Позвать ребят?

— Пару минут. Это игрушка или может быть такой мощный мотор?

— Как сказать? Это вопрос конструкции. Во всяком случае замысел правилен. Сначала нам со Штиммером показалось, что мы тут имеем дело с «эн плюс первой» попыткой построить «перпетуум мобиле». Нет! Это—попытка сделать мотор, который бы работал за счет разницы температур. И именно при низком перепаде. Если парня вооружить, то он может придумать и конструкцию.

— Без конструкции нет смысла в идее. Позови ребят.

— Есть.

АМЕРИКАНСКИЙ КОНСУЛЬТАНТ

В кабинет вошли Абрамчик, Ванька Магистр и Майкель Бьерк.

В руке у Майкеля Бьерка жестяной чайник с горячей водой.

Магистр вошел смущенный, неловко поклонился, невнятно ответил на приветствие начальника стройки и, остановясь у стола, склонил голову к своей модели.

— Садитесь, ребята!

— Благодарю вас, сэр! — ответил за всех Майкель Бьерк по-английски.— Вы видите перед собой американского консультанта, сэр. Майкель Бьерк к вашим услугам. Мы пригласили с собой переводчика, так как не вполне еще владеем русским, виноват, советским языком!

— Я немножко понимаю по-английски,— ответил по-русски начальник стройки.

Хеппи понял ответ, но, хмурясь, повернулся к Абрамчику и спросил:

— Что сказал джентльмен? Ага. Очень рад, сэр, что вы понимаете меня без переводчика. Тем лучше! Надеюсь, вы, джентльмены, уже ознакомились с этим гениальным изобретением?

Хеппи начал лить воду в корытце. Вода наполнила корытце. Колесо качнулось и пришло в движение.

Все вздохнули.

— Вертится! — сказал Яков Семенович.

— Хе-хе! Еще бы, товарищ! — ответил Хеппи, ставя чайник на стол.— У нас завертится... Очень просто!

— Я думаю, Яков Семенович, эту штуку можно отправить в Москву,— предложил Повенцов.

— Отчего нет? Ребята же отправятся в Крым через Москву. Им надо окрепнуть после болезни. Они могут захватить с собой и машинку.

Абрамчик тихонько дернул Хеппи за рукав.

— Понимаю без тебя,— шопотом огрызнулся Хеппи.

И, обратясь к начальнику стройки, он принял снова важный вид.

— Благодарю вас, товарищ! Это как-раз отвечает нашим намерениям. Мы предполагаем демонстрировать наш мотор перед Академией наук и искусств. Но лично нам необходим переводчик. Мы еще не вполне владеем русским языком. И уж если вам угодно, я не знаю лучшего переводчика, чем Абрамчик, он перед вами, сэр. Я не желал бы иметь лучшего переводчика в Москве.

— У меня же слабые легкие,—сказал Абрамчик.

Яков Семенович усмехнулся.

— Ну, что же. Попробуем и это устроить.

Колесо быстро вращалось. Но это было все одно и то же однообразное вращение, и только один Магистр все еще смотрел на колесо.

Письмо к читателям „Пионера“

От автора романа «Листок счастья»

Ребята!

Вы прочли, надеюсь с интересом, несколько глав из моего романа «Листок счастья» о приключениях американца Хеппи (он же Майкель Бьерк) в нашей стране.

К сожалению, роман большой, а журнал маленький, и редакция не могла его напечатать целиком, а взяла на выбор только немногие главы.

Вас, как и меня, наверное занимает вопрос, что же будет с Хеппи дальше, что выйдет из этого черного парня.

Признаюсь, что в эту минуту, когда пишу вам, и сам того не знаю.

Судьбой Хеппи кроме меня с вами заняты вот уже больше года многие, кто с ним познакомился по моим рассказам и по прочитанным отрывкам. Когда я сообщил моим друзьям, что Хеппи, попав к нам, отправился на Южный Урал на постройку Химкомбината, они обеспокоились, не будет ли губителен для Майкеля Бьерка (он вырос на юге САСШ) суровый климат уральских предгорий. Опасения сбылись. Хеппи попал в такой переплет, что заболел жестоко. Боялись, что умрет. И ко мне обращались с торопливыми вопросами, как Хеппи поправляется. Я принял меры, чтобы он поскорее выздоровел. Парень поправился и собирается еще много погулять по Москве и Крыму. Однако что же будет с ним затем, когда он как следует пройдет нашу советскую выучку?

— Пройти школу и стать мастером на заводе! Вот что будет хорошо для Хеппи,—думали одни.

Другие, и я в том числе, думают, что Хеппи потянет на родину, в Америку,— он возвратится туда от нас иным человеком. Он не станет пытаться избыть унизительное положение цветного в Америке, стараясь подняться по лестнице счастья на службе у капиталистов. Он станет в ряды борющегося американского пролетариата.

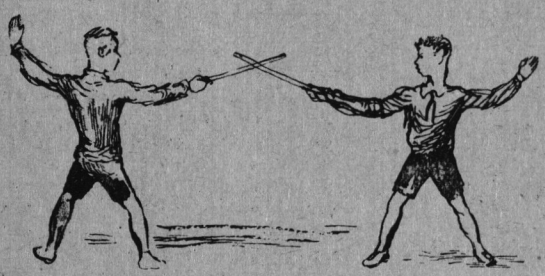
А может быть Хеппи суждено иное? Что, по вашему мнению? Напишите-ка мне через редакцию «Пионера», что сами вы думаете о судьбе, ожидающей в близком будущем Майкеля Бьерка.

Примите, ребята, мой товарищеский привет!

Сергей Григорьев

ВСЕ НАОБОРОТ

АКАДЕМБОЙ... НА ЛИНЕЙКАХ



КОНКУРС НА САМУЮ ЧИСТУЮ ТЕТРАДЬ

В конкурсе на лучшую тетрадь в ФЗД города Шатуры первое место занял ученик пятой группы Степан Васильевич Костин, 12-ти лет.

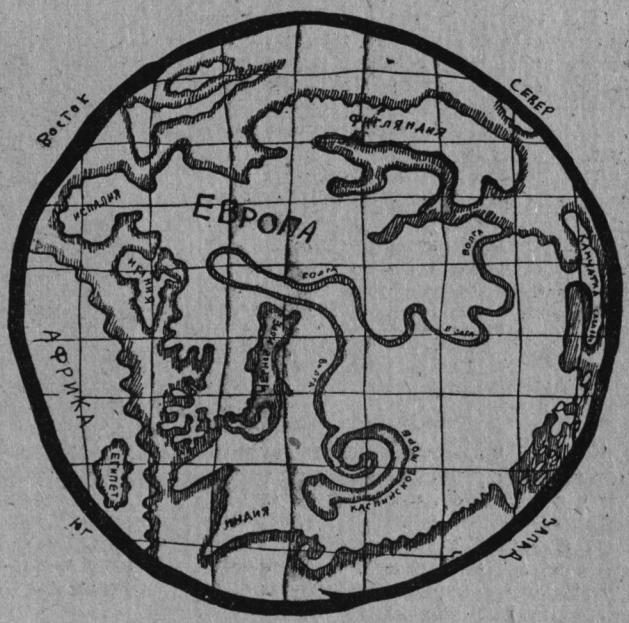
После обследования комиссии выяснилось, что в его тетради нет ни одной кляксы, ни одной помарки. Мало того, комиссия осматривала тетрадь в микроскоп и не нашла в ней никаких следов чернил. Химический анализ также не обнаружил чернил.

Спрошенный о причине такой удивительной чистоты Степан Васильевич Костин, 12-ти лет, ответил, что тетрадь пролежала у него все 4 месяца в шкафу и до нее никто не дотрагивался.

Восхищенная комиссия решила послать портрет Степы Костина с тетрадью в журнал «Пионер».

КОМИССИЯ

НОВАЯ СИСТЕМА МИРА КОСТИ ВОРОБУШКИНА



Я недавно прочитала, что 2.000 лет тому назад существовал ученый Птоломей, который выдумал свою систему мира. В этой системе не было Америки, Австралии и других частей света.

У нас на уроке географии обнаружился свой Птоломей, только его зовут иначе — Костя Воробушкин. Сергей Петрович — учитель географии — подтвердил, что Птоломею никогда бы не выдумать такой системы.

Предлагаю немедленно занести систему мира Кости Воробушкина в стабильные учебники географии.

Цена 25 коп.

4Н065 1933

КИТАЙСКАЯ ВИКТОРИНА

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Представьте ряд маленьких комнат-клеток на монастырском дворе. В каждой сидит человек, запертый на замок. Но это не преступник. Это человек, который держит экзамен. Он хочет быть чиновником. Для этого ему надо написать два б о л ь ш и х сочинения: одно в прозе, другое в стихах. Среди запертых есть и старики, есть и молодые, но каждый из них готовился несколько лет. Немудрено: только для того, чтобы быть грамотным, китайцу надо потратить много лет. Ведь в китайской азбуке не 36 букв, как в нашей, а больше сорока тысяч! Буква китайской азбуки обозначает не звук, а слово-корень. Чтобы читать газету надо знать их 3.000 — 4.000!

Отсюда и пошло выражение «китайская грамота». Поэтому в Китае грамотных не больше 5 проц. Правительству ведь легче эксплоатировать безграмотных крестьян

ЧТО ИЗОБРЕЛИ КИТАЙЦЫ

Две китайских команды играют в футбол. Мяч мечется между игроками, хороший, упругий мяч; правда, камера его не из резины, а из пузыря,—резины еще не знали в то время. Играли они по правилам «регби» или по каким-либо другим, установить нельзя, правила этой игры не дошли до нас. Она происходила, когда Великая китайская стена была еще совсем молода. На месте Москвы стоял тогда сплошной бор, на месте Ленинграда—болото, на месте Парижа—веселые рощи, а там, где теперь большой Лондон, текла лишь пустынная Темза. Не было ни городов, ни сел,

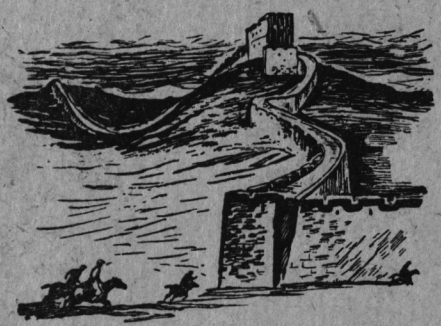
ни дорог. Люди не возделывали полей и кочевали с места на место.

Китайцы же тогда не только играли в футбол, но и сеяли рис, разводили сою, одевались в ткани из хлопка, а помещики и купцы — в вышитые шелка. Они умели печатать книги, делать порох. И потом уж, много лет спустя, итальянские купцы посылали в Китай своих разведчиков, чтобы выведать секрет выделки шелка и производства фарфора.

ВЕЛИКАЯ СТЕНА

Она протянулась на 2.400 километров. Одним плечом уперлась в горы, другое продвинула к самому морю. Называется она Великой китайской стеной и стоит уже 2.000 лет. Строили ее по повелению китайского императора.

Кочевники-монголы нападали на торговые караваны и на помещичьи усадьбы. Купцы и помещики потребовали от императора, чтобы он их защитил. Император загородил страну от монгольских степей сплошною стеной. Строилась она сто лет. Тысячи крестьян погибли на этой



работе. Получилась стена-крепость в десять метров высоты, через каждые 200 метров—башня, три колесницы свободно ехали рядом по ее широкой спине. Купцы и помещики могли быть спокойны,—изредка только отряды монголов прорывались через могучую преграду. Нужна была очень сильная армия, чтобы атаковать ее.

А теперь стена стоит бессильная и ненужная, только иногда крестьяне берут кирпич на постройки; над ней кружат японские самолеты и свистят гранаты.

ПРИКАЗ ЧАН-КАЙ-ШИ

Чан Кай-ши, главнокомандующий армией, действующей против советских районов в Китае, издал такой приказ:

1. Каждый, перешедший на сторону нашей армии, получает награду. Если он перешел с винтовкой, получает 20 долларов, за пулемет — 300 долларов.

2. Каждый, перешедший на сторону нашей армии, убив командира красного полка, получает награду в размере 500 долларов, за убийство комиссара корпуса выплачивается 3.000 долларов.

3. В особенности мы приветствуем всех, переходящих в нашу армию с оружием в руках. Мы приветствуем всех раскаивающихся коммунистов, все доносы на коммунистов.

Чай Кай-ши провел уже пять походов против советских районов. Каждый раз его армия была гораздо многочисленнее и гораздо лучше вооружена, чем советские части. Каждый раз Чан Кай-ши обещал покончить с красными. Но солдаты иногда целыми полками переходили на сторону красных, хотя им и не обещали никаких наград. А красные на сторону Чан Кай-ши что-то не переходят. И каждый раз поход Чан Кай-ши оканчивался ничем. Наоборот, советская власть в Китае все расширяется и крепнет.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 14/XI—33 г., подписан к печати 9/XII—33 г. Изд. № 1127 Формат 1/8 62×94 см. 1 1/4 б. л. 135.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—69.334 Типография газеты „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 3236 Тираж 43.000 экз.